



Вячеслав Нескоромных

СНЫ

КОМАНДОРА

Исторический роман

12+

Вячеслав Нескоромных
Сны командора

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Нескоромных В. В.

Сны командора / В. В. Нескоромных — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-11087-8

Эта книга о истории Русской Америки и жизни Николая Резанова – российском чиновнике, которому довелось встретить столь необыкновенную любовь на берегу Калифорнии... Что это за необыкновенная любовь, которая так поразила нас? Кто он был - камергер Резанов? Был ли он благородным человеком или просто авантюристом, для которого деловой расчёт заменяет чувства, а личные амбиции выше долга? Какова его скандальная роль в кругосветном плавании и провальном посольстве в Японию? Как Николай Резанов оказался в Калифорнии, почему его называют графом и Командором и почему ему ставят памятники?

ISBN 978-5-532-11087-8

© Нескоромных В. В., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	6
1. Пресидио Сан-Франциско. 1807 год, февраль	8
2. Русская Америка. Остров Ситка. 1807 год, февраль	9
3. Близ Красноярска	11
4. Камергер	13
5. Путь на пользу	15
6. Псков. Платон Зубов	20
7. Начало карьеры	25
8. В Иркутск	29
9. Анна	33
10. Наталья Алексеевна	35
11. Григорий Шелихов	38
12. Женитьба	47
13. Кяхта	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Нескоромных

Сны командора

«Он был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову, более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания и вовсе не имевший ни терпения, ни способности достигать великих и отдаленных видов ...»

Адмирал Василий Головин

** * **

«...Резанова можно назвать самым большим негодяем, который появился в этом мире!»

Георг Ландсдорф

** * **

«... мне пришлось пережить много грустных дней из-за его (Резанова – прим. автора) ненависти, бесчисленных обманов, ругани, а также несправедливого и деспотичного контроля. Он злоупотреблял своей властью и доверием монарха»

Вильгельм Телезиус

Предисловие

История появления этой повести берет свое начало от ярких эмоций и впечатлений, полученных от восприятия выдающегося романтического литературно-музыкального произведения – рок-оперы композитора Алексея Рыбникова на стихи Андрея Вознесенского «Юнона и Авось», блистательно поставленной на сцене «Ленкома» Марком Захаровым почти сорок лет назад. Этот спектакль, сменив уже не однажды актерский состав, по-прежнему чрезвычайно успешен, а мелодии и слова из этого замечательного произведения стали воистину гимном любви.

В основе произведения необыкновенные по силе чувства любви юной знатной испанки Кончиты, проживающей в крепости Сан-Франциско, и отважного мореплавателя, русского графа Николая Резанова.

Как всякая история о великой любви, эта история полна драматических мгновений и повествует о могучей силе истинного чувства: яркая, как вспышка молнии, вспыхнувшая любовь; трагизм мимолетного яркого и обжигающего чувства общения и быстрого, на пике чувства, расставания; опасный и долгий путь через океан; трагическая гибель героя и бесконечное, длиною в жизнь, ожидание возвращения любимого.

История о силе и драматизме любви вполне сопоставима с таким великим произведением как драма В. Шекспира «Ромео и Джульетта».

Но, что-то не выстраивалось до конца в этой истории по логике исторического изложения: какие-то разного типа кривотолки пробивались через романтический туман. Стало известно, что графом Резанов не был, характером отличался не героическим, а скорее склочным, а вела его по жизни звезда удачливого авантюриста. Камергер Резанов легко строил воздушные замки, мало вкладываясь в их фундаментальную основу, заимствовал или просто присваивал результаты деятельности других и любил «строчить» то письма с жалобами, то записки, в которых отчаянно лукавил, выставя себя в лучшем, чем это было на самом деле свете.

Другим, уже вполне индивидуальным источником повествования является интерес к истории и увиденное, при посещении Знаменского женского монастыря в городе Иркутске, надгробие на могиле известного российского землепроходца и купца Григория Ивановича Шелихова – русского Колумба, открывшего Америку для России.

Этому надгробию уже более 200 лет, а значит и таков срок событиям, описанным в повести.

И еще один важный источник повествования – замечательный памятник, установленный в 2007 году в городе Красноярске Николаю Петровичу Резанову, который подсказал всем малосведущим, что прототипом героя легендарной рок-оперы «Юнона и Авось» был реальный человек.

Изучая материал, довелось узнать, что оказывается, Николай Резанов был женат на дочери Григория Шелихова Анне и именно этот союз стал отправной точкой всех известных событий, послуживших основой потрясшего многих музыкально-литературного произведения.

Еще большая интрига заключается в том, что памятник командору и камергеру Резанову, как следует из распоряжения городской администрации города Красноярска, установлен в честь 200-летия первой российской кругосветной морской экспедиции, руководителем которой он как будто бы являлся.

Но причем здесь Николай Резанов, который мореплавателем не был и только часть пути в данном плавании провел в качестве скорее пассажира, нежели активного участника экспеди-

ции, руководителем которой был Иван Крузенштерн? И почему сухопутного чиновника камергера Резанова теперь стали называть Командором и опытным дипломатом – послом?

И вот когда все эти вопросы, события и личности выстроились в один смысловой ряд, возникло желание понять и разобраться в фактах, рассказать о тех далеких событиях и тех людях, которые в этих событиях участвовали.

1. Пресидио Сан-Франциско. 1807 год, февраль

...На самом краю скалистого берега у небольшой крепости Сан-Франциско, возвышаясь над морем, стояла девушка. Юная и тонкая, с длинными черными распущенными и развивающимися на ветру локонами, тонкими чертами лица, в алом теплом палантине и черном платье свободного кроя, которое трепетало под порывами ветра, облегалo стройный стан и ноги...

Она молилась, сложив у груди тонкие руки и сцепив пальцы.

Ее молитвы неслись над водами Тихого океана на запад вслед человеку, уплывшему более полугода назад.

Этот человек перевернул ее жизнь, наметил иное будущее для нее, с ним она стала женщиной.

Он показал ей иные перспективы в далекой и снежной стране с красивым названием Россия. В этом имени – Россия, ей слышалось величие далекой державы, свет рассвета и одновременно мягкого заката, ибо, когда солнце восходит на западных рубежах России, на востоке оно уже на закате.

А еще он говорил о Санкт-Петербурге, сверкающих снегах, замерзающих реках и прудах, об ослепительных залах дворцов, блестящих и шумных балах и маскарадах в этих залах, летящих по снежной дороге в вихре ледяной крупы санках, запряженных тройкой лошадей, дорожных бубенцах, силе, лихости местных мужчин, светлой и мощной красоте русских женщин. Он говорил о жизни в России под колокольный звон, о летящих в небе ярких сверкающих куполах в форме луковицы, на которых никогда не задерживается снег, о купании в проруби в крещенские морозы, Пасхе и таких забавных куличах, снежной бабе с носом из морковки. Николай забавно рассказывал о торжестве Масленицы и взятии штурмом снежного города, кулачных боях, о невероятно горячих, обжигающих пальцы на холоде блинах и проводах зимы, о шубах до пола, в которых зимней стужей жарко как на печи, величии Российского Императора, с которым он не только знаком, но и вполне дружен.

А далее, в его рассказах, простиралась Европа с ее бесчисленными городами и королевскими приемами...

И где-то там у другого моря была Испания – страна, которую покинул её отец и многие, ныне живущие здесь на новом континенте в этом благословенном месте, где тепло и удобно..., но так порой скучно, однообразно и мало надежд на какое-либо новое яркое событие и иную перспективу. А когда ты так молода и полна сил и надеж, жаждешь новых впечатлений, то манит все, что спрятано за морем и горизонтом, хочется жить ярко и активно, отбросив ограничения патриархального уклада.

Этот неизведанный сложный и огромный мир воспринимался теперь как бабушкин сундук в молодые совсем годы, в котором так мало по-настоящему нужных ребенку, но столько увлекательных спрятано вещей.

И теперь, в этот февральский день, как и другой иной ранее, она пришла на эту величественную скалу, чтобы с попутным ветром отправить ему, такому взрослому и серьезному человеку, свой привет, свою надежду и свою веру в то, что все свершится, как было задумано и решено между ними. И чтобы он, такой необыкновенный, решительный и сильный, благополучно миновав неисчислимые пространства и временные сроки, снова был здесь, рядом с ней.

– Кончита! – раздалось рядом, и на тропе возникла фигура женщины, в которой угадывалась служанка.

– Мамочка послала за тобой. Пойдем, милая, тебя ждут, – продолжила женщина и, приобняв девушку за хрупкие плечи, увлекла за собой.

2. Русская Америка. Остров Ситка. 1807 год, февраль

А на другом берегу, самом краю Севера Америки, у темной скалы, у заледенелого, в эту февральскую пору, берега у русской крепости, стонала в отчаянии другая – совсем еще девочка. Обессиленная она сидела на земле у скалы и чертила на песке странные и сложные знаки, поднимая изредка к небу заплаканные темные, слегка раскосые глаза, отчаянно шептала одной только ей понятные слова-заклинания.

Она вспоминала сейчас, как ее в разоренном колонистами поселке подобрал бородатый и, как показалось, огромный человек в меховой куртке с ружьем. Она укусила его за руку, и он сказал, усмехнувшись:

– Ах, сукина дочь! – и обхватив вокруг талии, легко подхватил и отнес в баркас.

Потом она оказалась в доме в крепости на берегу залива, где дичась, долго не могла прийти в себя и наконец, приобщилась к ходу жизни, стала помогать по хозяйству, с интересом крутиться возле зеркала.

Стоун поселил в своем доме Александр Баранов – управляющий делами компании на берегах Русской Америки. В доме пленницу не обижали, а хозяин все посмеивался, глядя на нее, нарядив в холщовую рубаху до пят и легкие кожаные туфли. Она подпоясалась своим кожаным ремешком колошанки и теперь бегала по дому быстро, быстро, успевая собрать все на своем пути, – разбросанное кем-то, и одновременно опрокинуть то ведро, то посуду на столе. Это вызывало смех Баранова и он, веселясь, баловал девушку, одаривая незатейливыми вещичками. Она привыкла жить в доме и была вполне довольна.

Она вспомнила, как в ее девичьей жизни появился он, прибывший на корабле – высокий, взрослый и строгий мужчина. Она пробежала мимо, когда он пришел к Баранову после приезда, и оказалась в его руках. Он смеялся, держал ее за плечи и глянул вдруг пристально прямо в глаза, и она вдруг поняла своим женским чутьем, что будет дальше.

Поговорив с Барановым, он забрал ее к себе в дом, где она впервые узнала силу и тяжесть мужчины. Ей было и больно, и страшно, и в ней родилось томительное ожидание какой-то невзгоды и в то же время ощущение растущего счастья, которое вот-вот проявится и даст дышать легко, свободно и радостно. Но счастье не наступало, ласки были кратковременны и то, правда, ведь они даже не могли говорить, о чем-либо, – слов было так мало общих.

– Слоун! Слоун! – звал он ее порой, и она бежала ему навстречу, стыдливо утыкалась ему в грудь лицом, сияя от радости. Подобно верной собачке она встречала его у порога, потупив глаза, ожидая теплого привета и ласки, помогала снять сапоги. И он был добр к ней. Она жила в тепле и была сыта. Он обнимал ее холодными ночами и утолял свою страсть. Она так привыкла к нему, что, когда он уплыл на своем корабле надолго, она ждала его на скале, глядя в сторону моря, – туда, где скрылся из глаз его корабль.

И, о чудо! Она дождалась его.

Она кинулась ему навстречу прямо там у причала.

Она ошиблась. Ему не нужен был этот ее порыв. Он прошел мимо, не окинув Слоун даже взглядом. А потом, побыв с ней совсем недолго, он снова взошел на корабль и уплыл и, хотя он не говорил с ней об этом, она знала – надолго, а вскоре почувствовала – навсегда.

* * *

Две страдающие, исполненные надежд юные женские души, на краю далекого континента молили об одном – чтобы с ним все было хорошо, чтобы он жил и вернулся.

Разница была в том, что одной из них он обещал это сделать, а вторая, оставленная им, тяжело страдала, мучимая возникшими к первому в ее жизни мужчине чувствами любви и привязанности.

* * *

А между тем в это же время.

3. Близ Красноярска

Ветряный день на исходе февраля в этих суровых сибирских краях, вмещающих в себя однообразное холмистое лесное и болотистое пространство с множеством рек и ручейков, был в краткой своей середине. У переезда через одну из этих речушек показались возок-кибитка, и укутанные в шубы до глаз в косматых шапках два всадника на заиндевелых конях.

Во всадниках угадывался конвой.

Кони, измученные дорогой, устало перебирали ногами, перемешивая снежную крупу, выдуваемую ветром из-под копыт.

Всадники подремывали, склонив головы.

Путники двигались по дороге, отмеченной вешками-шестами, переметенной местами быстрыми ветрами. Ветры и снегопады, наводя неустанно первозданный порядок снежной равнины, зализывали тщательно следы коней и саней, стремившихся кто на восток, а кто на запад по необъятной Империи. Империя была столь велика, что пульс жизни в её отдельных территориях едва прощупывался и в жаркое лето, и совершенно почти замирал в зимнюю студеную безысходность.

Дорога эта видела многое: и бредущих в Небылое каторжников, путь для которых был так долог, что вмещал весомую часть жизни или забирал весь ее остаток, выгоравший так быстро в этих пустынных местах; и увлеченных скачкой быстрых курьеров с государственной почтой на перекладных, чей полет через тайгу и смрад болот был неудержим и казалось стремителен; и всякой масти и вида повозок, обозов с вещами и товарами, почтовых кибиток; и лихих людей, бегущих от закона в зону ограниченной расстоянием государственности.

Дорога – артерия региона, слабо пульсировала, подавая изредка признаки жизни и оставляя приметы смерти, отметив на своем маршруте завершение жизненного пути тех или иных страдальцев покосившимися крестами и порой просто столбиками у едва приметных холмиков.

Снежная пустыня вокруг слабо вьющейся по окрестностям дороги оживлялась иногда птичьим гомоном и волками, курсирующих по своим тропам вдоль дороги и готовых в любую минуту прибрать павших от истощения сил лошаденку или несчастного путника.

На исходе февраля солнышко уже согревало ярко, но недолго в течение дня и надежда о будущем тепле вместе с этим зарождалась в душе всего живущего в этих необъятных даях к середине короткого дня и угасала с сумерками. Но в данный момент дул пронизывающий, стелящийся по низине вдоль русла реки хиус – плотный северный ветер.

Путникам предстояло переправиться через речку по надежному еще в эту пору льду. Повозка неторопливо и неказисто бочком соскользнула с косогора и покатила сначала по руслу, а затем, кони, взяв короткий разбег, натужно поднялись по крутизне, вытягивая возок на противоположный берег. Следом направлялись и верховые. Конвой прытко проскочил русло и следом за возком взобрался на кручу берега.

Поднявшись на пригорок, возок вдруг резко накренился, потеряв твердь накатанной дороги, завалился набок и часть поклажи, и человек, сидевший в нем, нелепо вывалились в снег. Не удержался на возке и кучер, успевший соскочить в глубокий снег, где и застрял, провалившись до пояса. Усталые кони тут же встали, встали и конники.

Всадники спешили и направились теперь к возку, ведя в поводе коней.

– Поднимай, барина! – крикнул кучер и продолжил:

– А то он дюже хворый, совсем слабый стал.

Всадники поспешили к вывалившемуся из возка человеку, который лежал на снегу раскинув руки и совершенно почти не двигался. Кучер, взяв под узду коня, потянул его за собой, заставляя идти, пытаясь вытащить возок из канавы.

Спешившиеся конвойные помогли подняться человеку, сидевшему ранее в возке, и повели его, поддерживая под руки к саням. Подвели и усадили, снова обложив всего до глаз огромной дохой. По всему было видно, что человек в санях был не здоров.

– Гони! Застынет барин! Совсем расхворался! Весь в поту, жар видимо у него! – прокричал один из всадников и возница, вскочив на козлы, погнал коня в направлении чернеющих впереди строений. Всадники скакали рядом. Однако строения оказались не жилыми, и пришлось гнать уставшего уже изрядно коня дальше и дальше к станции, что располагалась на окраине города.

Город этот был уездным Красноярском.

Путь был не близкий, до города нужно было еще верст сорок скакать, что могло занять порою весь день. Добрались уже затемно в пригородную деревню и, устроившись на постой, стали отогревать барина, так неудачно вывалившегося из опрокинувшегося возка. Переодели в чистое сухое белье, дали выпить водки и, укрыв шубою, уложили на топчан у жаркой печи. Путника колотила дрожь, он заходился в кашле и забылся вскоре тяжелым сном. Во сне метался, обильно потел и в начинавшейся горячке сбрасывал с себя тяжелую овчину.

Его спутники и хозяин постоя, угрюмо при лучине сидели у стола, ужинали скромной снедью, выпивали мутного самогона, и искоса поглядывая на барина, сокрушенно качали головами. Они не жалели его, но привычка к подчинению рождала наигранное сострадание, которое, впрочем, было лишь до тех пор, пока страдалец был влиятелен и мог постоять за себя.

– Вот, голова садовая. И стоило себя так утруждать, да мучить. Отлежался бы в Иркутске до полного выздоровления. Так нет...ехать нужно, дела ждут...Нужда прямо какая... Вот и доскакался...

– Теперь как дело повернется, а то придется в городе ждать, пока выздоровеет... и куда так торопится? – вели беседу сопровождающий камергера Николая Резанова служивый из Иркутска и кучер – средних лет мужик, нанятый в услужение в Канске, где на ямской станции удалось получить свежих, вместо истрепанных дорогой, коней.

– Горяч, суетлив барин, все ему неймется. Сказывают, из самой Америки едет? Откуда только силы берет. Но теперь, похоже, изрядно изломался. Не преставился бы, – вторил служивому кучер, устало глядя на коптящую над столом лучину и косясь на больного.

– Да, из Америки барин едет. Миссию сполнял, да худо как-то справился видимо. Сказывали, спешит оправдаться в столице. В отчаянии возвращается..., а беда – она не ходит одна, – поддержал разговор служивый.

– А кто он таков? Надесь говорили, командор скачет в столицу с депешою к самому императору. Что за командор такой? Морской начальник-офицер что ли?

– Да как будто нет. Сказывали масонского звания человек. Есть такой тайный орден при императоре.

– Тьфу, ты! Развелось их ноне... Светские, воинские, дворянские, а теперь еще вот и масонские..., беда, однако не за горами.

– Да! Капризен барин. Давеча есть отказался – сказал – несвежее все. Шумел, ругался сильно, грозился упечь в ссылку. А куда дальше Сибири сошлет, только если в Америку. А, какое-такое зимой может быть не свежее? Все в заморозке держим.

– Да болен он, вот и вредничает. А так сказывают, пообтесался в походах дальних – непривередлив стал.

– Надо было бы его там еще, – у реки, переодеть в сухое-то... застудили, похоже барина, в снегу изваляли. Рубаха-то мокрая была, хоть выжимай, – продолжил разговор хозяин двора.

– Ну, да что уж теперь... отлежится, небось, – отреагировал служивый человек.

4. Камергер

Камергер двора его Императорского Величества Александра I, командор масонской ложи и кавалер орденов Российской Империи Николай Петрович Резанов был в пути последние несколько лет.

В июле 1803 года вместе с большою командою на двух судах, трехмачтовых шлюпах – «Надежда» и «Нева» он отправился в великую экспедицию, которая именовалась кругосветной – первой в истории России. Экспедиция имела цели государственного значения, как познавательного толка, так и для налаживания практического хозяйствования на самых дальних восточных рубежах Империи и установления отношений с Японией – ближайшим в восточном регионе соседом.

Пришло время показать миру, что Россия стала великой морской державой, способной на самые дальние плавания.

Флагманским кораблем служил более вместительный шлюп «Надежда» под командою капитан-лейтенанта Ивана Крузенштерна. Меньшим, но более ходким судном, – «Невой» командовал капитан-лейтенант Юрий Лисянский. Шлюп «Нева» был снаряжен на деньги Русско-Американской компании, «Надежда» профинансирована правительством. Несмотря на мирную задачу, поставленную перед экспедицией, корабли шли под воинским морским Андреевским флагом Российской Империи с командами из российских военных моряков.

Ныне же на дворе был февраль, и уже надвигался март 1807 года, а значит уже скоро четыре года, как не знала покоя душа этого человека, меряя расстояния тысячами морских миль и сухопутных верст. Теперь его ждали в Томске, где приготовили богатый дом с прислугой, экипаж с кучером, и это все за счет принимающих его чинов.

Чтили его в провинции и положению его кланялись.

Так было и в Якутске, и еще более в Иркутске, где знали его отца, служившего в суде, помнили и камергера еще с прошлого его посещения, когда около года провел он в этом губернском городе, где женился, обрел семью, благополучие и новое для себя предназначение.

Ночь на постоялом дворе прошла беспокойно. Камергер Резанов впадал в забытие, метался во сне, обильно потел и казался уже совсем разболевшимся. Нужен был лекарь, которого можно было найти только в городе. По утру собрались, укутали посланника в мохнатую доху и, погрузив в кибитку, поспешили в город, сопровождаемые ярким, но еще таким холодным в эту пору солнцем.

По пути следования спустились к Енисею, огромной снежной лентой, разгладившего окрестные холмы и раздвинувшего отвесные скалы, и уже по льду реки мимо речных косматых островов ходко побежали к городу, в направлении многочисленных с утра устремленных ввысь дымов из труб. Ближе к городу свернули в направлении центрального въезда с заставой, в сторону возвышающегося у стрелки на крутом берегу реки Вознесенского храма.

В городе, нестройно выстроенного вдоль реки, невдалеке от храма больного поместили в доме титулярного советника Г. О. Родюкова и позвали лекаря. Включенный старик с лицом усталым и озабоченным долгой и мало устроенной провинциальной жизнью слушал больного, прикладывая, то длинную трубку к косматому своему уху и груди больного, то постукивая тонкими желтоватыми пальцами по спине, то цокая языком, принимал к содрогающейся при кашле груди камергера.

Вердикт был прост и опасен: воспаление легких, и уже, похоже, чахотка.

– Все там скрипит и клокочет. Видимо давно уже застудился, да на ногах хворь тяжкую переносил. Теперь долгонько нужно будет выкарабкиваться, лежать в тепле и никаких сквозняков и прогулок – подвел итог осмотра лекарь, оглядев критически домашних, сомневаясь в

их способности дать покой и тепло больному. Затем выписал лекарства, дал наставления по их приготовлению и приему, и удалился, пообещав вернуться к вечеру.

Вот так, на диване, в чужом доме лежал и метался в бреду, стонал и фактически угасал человек с большими амбициями и устремлениями. Угасал человек не жадный, но познавший острую нужду, власть денег и их неверный нрав, охочий до титулов и не чуждый земным, обыденным и греховным радостям. Уходил на божий суд человек образованный и честолюбивый, стремящийся всю жизнь удивить своими достижениями свет, доказать свое величие и власть, продемонстрировать перед светом ревностное служение Отечеству.

И теперь, в завершении своего жизненного пути, Николай Резанов оказался в плену воспоминаний и мыслей о прожитом и нереализованном. Ему виделись сны, наполненные событиями его жизни, к нему приходили люди, всплывали забытые эпизоды и лица

5. Путь на пользу

Поручик лейб-гвардии Измайловского полка Николай Резанов, полный сил и мужских амбиций, был горд службою в личной охране императрицы Екатерины Великой.

Будучи приписан к армейской службе в свои младые четырнадцать лет, Коля периодически появлялся в полку, занимаясь в основном домашним образованием под попечением маменьки. К семнадцати годкам, продемонстрировав статность и тактичность обхождения, Николай был переведен в гвардейцы в чине сержанта по протекции брата отца Ивана Гавриловича, достаточно влиятельного петербургского чиновника и сенатора.

Николай проявил с детства способности к гуманитарному образованию, а лучше всего ему давались иностранные языки, а еще танцы и манеры обхождения. Не отличаясь крепким характером и способностями к технике фехтования и стрельбе из пистолетов, Николай Резанов брал умением тактично общаться и быть посредником во всяческих острых спорах. Эти его способности дали ему возможность прославиться в качестве говорливого адвоката.

И вот теперь уже в чине поручика Николай Резанов оказался назначен командовать конвоем императрицы, как заметный гвардейский офицер. Без участия брата отца, и в этом случае, как поговаривали, не обошлось.

Дела в государстве шли успешно.

Светлейший князь Григорий Александрович Потемкин уверенно и талантливо вел воинские и государственные дела, отвоевывая и осваивая новые территории и рубежи на западе государства российского. Русское оружие и талант фельдмаршала А. В. Суворова и адмирала Ф. Ф. Ушакова приносили России все новые и новые победы. Число подданных императрицы Екатерины II росло, и настал момент, когда интерес Екатерины к новым территориям, а особенно к Крыму достиг такого уровня, что было решено – пора окинуть завоеванное взглядом полновластной и рачительной хозяйки. Откладывали несколько раз поездку из-за неотложных дел и неожиданных событий, но к новому 1787 году все отладили и в январе, сразу после новогоднего праздника, свита императрицы отбыла из столицы в Царское село, а уже оттуда и далее, взяв курс на Киев.

«*Путь на пользу*» – так определила кратко цель и задачи путешествия императрица, так как намеревалась по дороге исправить увиденные административно-хозяйственные неполадки своего «*маленького хозяйства*», как она шуточно называла Российскую империю.

«Я путешествую не для того только, чтобы осматривать местности, но, чтобы видеть людей. Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицам, которые могут употребить во зло мое доверие, опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливость»,

– говорила Екатерина французскому послу Сегюру, который трясся в возке во время поездки рядом с ней.

Зима была в разгаре, путь отлажен и процессия, насчитывающая десятки повозок и охрану, ходко двигалась от станции к станции, от города к городу, встречая везде восторженные толпы подданных и их хозяев, вольных купцов и работников, церковнослужителей в черных одеждах, армейские гарнизоны в ярких мундирах.

Поручик Николай Резанов, не полных 24 лет от роду гвардеец, отличался не только зрелыми уже годами, а был приметен внешними своими данными: высок, статен, гладок лицом, голубоглаз, светлые локоны слегка завивались у лба. Алые губы, собранные в бантик, выдавали в нем затаенные сладострастные желания и указывали на характер не достаточно твердый, но заносчивый.

Николай ладно сидел на коне в ярком гвардейском мундире, умело, с шиком управляя конем и конвоем во время движения процессии. Екатерина всегда с удовольствием поглядывала на ладного гвардейца, выделяя его среди других из состава конвоя. В эти дни сердце любвеобильной женщины было занято тридцатилетним Александром Дмитриевым-Мамоновым, бывшим адъютантом всемогущего князя Григория Потемкина, который и «подсадил» своего человека в окружение императрицы дабы «место не пустовало» и неповадно было другим молодцам занимать столь выгодную для карьеры и благосостояния позицию.

А охотников было много!

И тех было вдоволь, кто таких охотников находил и пытался посадить ближе к матушке, чтобы светлейшего князя подвинуть с места и добиться, наконец, возможности соуправлять державою и получить от власти свои дивиденды. Теперь стремительно выросший до генеральского чина, камергер Ея Величества А. Дмитриев-Мамонов, отбывал службу при Екатерине, занимая ее время и днем, и ночью. Екатерине он был по нраву, но неудержимая порой в любовных утехх императрица, находившаяся в преклонных уже годах, порой шалила – подбирала новых претендентов на ложе прямо из своей свиты, чаще всего из числа преданных престолу гвардейцев. Ребята были здесь на подбор – собранные из всех армейских частей рослые красавцы из дворянских семей, – скорые, да лихие. Так когда-то и Николай Резанов из армейского полка, к которому был приписан еще мальчиком четырнадцати лет, стал гвардейцем.

Теперь неся караул и наблюдая ежедневно императрицу, опытный, послуживший уже изрядно в гвардии Николай Резанов был необычайно воодушевлен ее присутствием. В императорском одеянии, сверкающая мехами и бриллиантами Екатерина производила впечатление своим величием и не сразу замечались ее полнота и подвядшее лицо стареющей дамы. Многое заменяли яркие и внимательные глаза Екатерины: лучистые и умные, проникающие в душу и дарящие теплый свет души.

Николай был впечатлен близким общением с императрицей и долгими ночами на постое лежал и представлял, как там, невдалеке на своем ложе отдыхает эта величавая женщина. В своих мечтах скромный дворянин Николай Резанов представлял себя рядом с ней, и ему казалось, что он бы справился с миссией и мог быть оценен Екатериной по достоинству. Его это волновало и, увлекшись, строил уже планы своей жизни в роли нового избранника и помощника императрицы. К этому его подталкивали внимание и ободряющая улыбка Екатерины. Нынешний избранник Екатерины вел себя слишком скромно и был подобен тени великой женщины, а порой казалось, даже несколько был смущен своей ролью. Поговаривали о скорой его отставке, так как было отмечено несколько раз явное недовольство Екатерины. Это тоже способствовало нарастанию желаний и амбиций отдельных представителей свиты. Поездка была удобным моментом для сближения.

В один из дней, когда фаворит слег от простуды и был оставлен для лечения в Нежине, Екатерина заскучала в дороге и уже ближе к вечеру, выглянув из окна огромного своего возка-кареты, поманила Николая пальчиком в перчатке алой атласной кожи. Николай скомандовал остановиться и приблизился к карете. Склонившись к открытому окну, Екатерина подала подъехавшему Николаю свой перстень и, глядя ему прямо в глаза своими смеющимися лучистыми глазами, сказала очень просто, слегка коверкая акцентом слова:

– Будь ныне, голубчик, у меня. Нужда есть с тобой повидаться.

Получив перстень и услышав слова призыва от великой женщины, Николай, был огушен. Весь остаток дня, а также время, когда устраивались на ночлег, прошли как во сне. Уже ближе к ночи за ним прислали и отвели в покои Екатерины. В сумерках, при свечах он оглядел опочивальню, убранную нарядно и в ней, в белоснежном ночном убранстве, Екатерину с распущенными волосами. Она, сидя на постели, склонила голову и с улыбкой смотрела на Николая, молча приглашая его подойти ближе. Когда он подошел к ней и опустился на колени, к нему была протянута ее рука. Взяв руку Екатерины, Николай припал к ладони губами, чув-

ствую, как пылает его лицо. А рука Екатерины прохладная, пахнувшая невероятным ладаном, была необыкновенно мягкой и приятной. Перебирая пальцами поданной для поцелуя руки, императрица погладила лицо Николая и увлекла его к себе, – теперь нужно было целовать ее губы и лицо. Николай был почти в беспамятстве, и вся ночь прошла как стремительные грезы.

Утром же, едва рассвело, умаявшись, он спал, и его разбудила Екатерина, погладив по щеке мягкой своей рукой.

– Вставай, голубчик, на службу пора. Все же охраняешь императрицу, а не кухарку стережешь, – уже смеясь, сказала Екатерина.

И уже более серьезно, но тихо и душевно:

– Ты, молодец был ночью-то.

И потом, засмеявшись звонко, по-девически:

– Справился, братец.

И снова мягко, но серьезно и покровительственно:

– Но дела, голубчик, призывают вставать уже. Ступай с Богом. Удачного дня тебе.

Теперь Николай на службе старался из всех сил. Мысли скакали и необычайные чувства одолевали молодого человека. Потрясение было столь велико, что прийти быстро в себя он не мог. Хотелось куролесить и Николай, едва сдерживал себя. В голову приходили строки:

– Ах! Эта пропасть и напасть! В ней можно быстро так пропасть! Ах, эта власть..., ах, эта страсть...

Вдруг отчего-то мысли рифмовались, выстраиваясь в замысловатые образы и порой приходили, казалось глубокие и верные, но тут же забывались.

Николай скакал на своем жеребце рядом с каретой, подбадривая рысাকা, еще более внимательно всматриваясь вдаль, старался контролировать все, что могло попасть в поле его зрения.

Екатерина иногда выглядывала через стекло в карете-возке и всегда теперь видела своего ночного кавалера рядом. Наклоняя голову то вправо, то влево, улыбалась и думала:

– Вот хорошо, братец, что я тебя вижу так часто теперь. Хотя бы ради этого стоило тебя к себе пригласить.

И тихонечко посмеивалась в платочек, лукаво оглядывая молодца. И хотелось что-то для него сделать, чтобы и не переборщить с вниманием и отметить по-царски.

Вечером распорядилась:

– Пошлите вина гвардейцам от меня, да передай поручику Резанову, – пусть угостятся.

Вечером, получив вино от императрицы, гвардейцы сидели за столом и разлив вино в бокалы пили за здравие Екатерины стоя.

Потом добавили еще вина, и изрядно уже набравшись, подпоручик Еланской с ехидцей спросил бестактно Николая Резанова о его ночной миссии:

– А скажите, поручик, а мягка ли кровать у Екатерины? Хорошо ли поживает наша матушка-императрица?

Николай ответил на бестактность сослуживца резко: оборвал его и потребовал объяснений, назвав, дураком беспросветным, а его поступок подлостью.

Подпоручик побагровел, но смолчал и, насупившись, удалился, а на утро прислал Резанову записку со словами, что если ему угодно, то по возвращении из похода он готов ответить на дуэли за свои слова, о которых он, право, сожалеет.

Николай простил поручика, благоразумно решив, что теперь это все нехстати совершенно сейчас, а уж через полгода по возвращении в столицу будет и вовсе ни к чему.

Служба гвардейская продолжалась, вся процессия во главе с Екатериною была уже на подходе к Киеву. Николай Резанов периодически исчезал на всю ночь и все, понимая причину такого его поведения, помалкивали и относились к нему все более внимательно и уважительно.

Одной из ярких примет поездки императрицы по городам российским было придуманное самой Екатериной мероприятие, которое позволяло всем показать ее милость, щедрость и богатство управляемого ею государства.

По приказу императрицы казначей выдавал перед въездом в каждый следующий город несколько сотен или даже тысяч золотых рублей и полтин, которые переодетые в гражданское платье гвардейцы щедро кидали в толпу.

Это было поначалу столь неожиданно, что народ столбенел, задирали головы и следил за полетом сверкающих на солнце монет.

Гвардейцы, старательно подбрасывая монеты вверх над головами встречающих, с любопытством наблюдали как монеты сверкая падали на толпу, ударяя мечущихся людей по головам и спинам. Люди металась под золотым дождем, хватали монеты на лету, алчно сверкая глазами, вступали в свару за обладание того или иного рубля, упавшего рядом. Затем с дикостью кидались собирать упавшие сверкающие золотом рубли, раскапывая снег голыми руками, выискивали дорогие кругляши, толкали в карманы, в шапки вместе со снегом и снова рылись в снегу, извлекая на свет монеты или замерзший помет.

Рубли и полтинники в большом числе терялись в снегу, но эффект был громким – все славили Екатерину, были ужасно довольны.

С каждым новым городом, число встречающих все росло, так как слух о невиданной щедрости распространялся быстрее императорской колонны и деньги таяли, вызывая сожаление и казначеев, и других служивых людей, приобщенных к процедуре.

Казначей раз за разом качал головой, выдавая монеты, и выговаривал неведомому собеседнику о пустоте глупой затеи, о таких неразумных тратах.

В один из дней, когда уже дело шло к прибытию в Киев, один из служивых попросил Николая на разговор и свел его с распорядителем поездки Новосельцевым. Распорядитель живо предложил заменять изредка часть золотых монет медными пятаками и серебряными гривенниками, а золотые тихонечко разобрать и таким образом устранить, эту, как ему казалось, глупость по разбрасыванию денег. Николай, будучи в этот момент в состоянии воодушевленном и полагая, что это не столь уж сложная задача и опасная затея, похожая скорее на шутку, согласие свое после недолгих колебаний дал.

Для реализации мероприятия Николай Резанов приготовил очередных двух гвардейцев, которых обещал упрямить не распространяться о подмене, давая понять, что замена денег как бы санкционирована сверху и соответствует плану. При въезде в очередной городишко, после всех приготовлений и подмены золотых рублей на пятаки и гривенники, провели мероприятие, и к вечеру Николаю принесли увесистый мешочек тяжелых монет с дорогим ему профилем Екатерины.

Незатейливо задуманное предприятие успешно было реализовано еще несколько раз, что позволило скопить поручику изрядный капитал и уже думать о том, что сможет, наконец, он помочь матушке своей, которая страдала от безденежья с младшими детьми без должной помощи отца, перебиваясь помощью родни.

Отец Николая Петр Гаврилович – служивый человек, волею судеб отосланный в Сибирь, в далекий Иркутск, отбывал срок в совестливом суде председателем. В Иркутске он задержался надолго, отлученный от семьи, уличенный в растрате казенных денег. Следствие вели уже несколько лет, и конца этой выматывающей душу волоките не было видно.

Но гром грянул скоро, и, казалось бы, спланированная ответственными людьми затея всплыла и дошла до ушей самой Екатерины. Возмущенная обманом матушка императрица потребовала выявить всех причастных к подлогу, что и было сделано практически мгновенно. Оказалось, что прикрываясь разбрасыванием медяков и серебряных полтинников, часть денег просто украли.

Все причастные к подмене монет и к краже тут же были отданы под суд и отправлены в тюрьму уездного городка, через который проезжала Екатерина со свитой в этот раз, а Николая не тронули, но позвали к императрице.

– Что ж ты, братец, мало получаешь жалования от меня, коли позарился на золотые рубли? Это же глупость и подлость, какая, воровать у меня! Нехорошо это. Не могу тебе верить теперь. Вон из гвардии! И чтобы в Петербурге не показывался, пока не заслужишь прощения, – гневно подвела черту под их отношениями Екатерина, сурового насупившись и поджав губы в сожалении от всего случившегося, смотрела теперь надменно, устремив взгляд над головой поручика.

Сказано было все спокойно, гневно и прямо в лицо. Возвратить деньги не потребовала, а более Николая никто не беспокоил. Теперь, сразу после разговора с Екатериной, Николай собирал вещи, а злополучный мешочек с золотыми рублями жег ему руки. Но помня о матери, сестре и брате, о долгой дороге, деньги не вернул, а отправился в расположение полка, чтобы окончательно получить увольнение.

Дорога пролетела в размышлениях о дальнейшей судьбе, а на душе было горько и пусто. Поначалу на каждом посту он ждал, что его задержат, но сия чаша его миновала. Так в раздумьях и тревогах добрался Николай Резанов до Петербурга.

6. Псков. Платон Зубов

В Санкт-Петербурге, прибыв в расположение полка, Николай получил скорый расчет. Писарь, с ехидцей поинтересовавшись:

– А куда теперь намерен направиться для службы? – выдал Николаю его документы, и несколько стусевавшись под тяжелым взглядом упорно молчавшего поручика, передал наказ полкового командира зайти для последних наставлений.

Генерал-майор Александр Михайлович Римский-Корсаков принял Резанова без задержки и, оглядев внимательно и критически молодого офицера, заговорил о возможных вариантах продолжения службы.

– Николай, есть потребность в молодых офицерах в действующей армии. В гвардии тебе теперь служить заказано, но я могу похлопотать, и тебя без понижения чина определят в пехотную часть.

Это честь, Николай, для тебя. Искупить проступок своей службой, – отношение к тебе изменится. Там глядишь с повышением и в гвардию вернешься. Со шведом мы пока замирились, да думаю ненадолго этот мир. Полны рвения наши северные соседи отвоевать потерянные рубежи. Так, что самое время начать службу на новом месте.

– Не сочтите за дерзость, но я хотел бы отказаться, Ваше Высокопревосходительство! Спасибо за Вашу заботу, но я решил идти теперь на службу гражданскую. Уж и предписание мне подготовили в Псков. А военная служба не для меня. В этой службе я не вижу для себя перспектив. А еще матушка на мне и младшие брат с сестрой, – ответил Николай, вдруг ощутив остро нежелание идти под огонь, ядра, пули и нести тяготы быта военного гарнизонного человека.

– Ну, знаешь Николай, после таких твоих проделок подобное предложение за честь нужно принимать. Я вот ради моего доброго отношения к твоему дядюшке только и решился похлопотать. Но как знаешь! На гражданскую службу решил? Что же, может и правильно! Ты, как мне показалось, более склонен к гражданской службе. Прощай! – закончил встречу полковой командир, несколько огорченный не сложившимся разговором.

После отставки и последних хлопот перед отъездом Николай, собрав маму Александру Григорьевну, своих брата и сестру, направился в Псков, куда его определили по протекции брата отца служить в гражданский суд в чине коллежского асессора по восьмому разряду с годовым жалованьем всего-то в 300 рублей. Близ Пскова было и имение генерала Окунева, деда Николая по матери и это сулило какую-то финансовую поддержку.

Остаться в Петербурге Николаю было не дозволено.

По своему воинскому званию, которое при отставке соответствовало капитану, за принадлежность к гвардии и дворянскому сословию Резанов должен был получить назначение надворного советника по седьмому разряду с более высоким окладом. Но Николай понимал, что провинившись, придется терпеть какое-то время суровое обхождение, ибо взялась наказать его Матушка Екатерина за неблагоприятный проступок.

Вот так, после взлета и замаячивших впереди значительных перспектив своего положения, отправился Николай Резанов на исходный рубеж гражданской карьеры в провинциальный город, без каких-либо надежд на скорое возвращение в столицу.

Служба в Пскове потянулась чередой унылых дней и вечеров. После бурной гвардейской службы, молодецких гуляний и разборок, выходов в свет, романтики отношений с девушками из театрального балета и флирта с фрейлинами императрицы, весь быт провинциальной жизни умещался в скромный бюджет и сплошные ограничения.

Матушка Николая, дочь отставного генерала Окунева, оказавшись в сложной житейской ситуации, выбивалась из сил, стараясь без мужа поднять своих младших детей. Только

помощь близких и спасала. Муж Александры Григорьевны, оказавшись в Иркутске председателем местного суда, оскандалился, уличенный в растрате денег, да так и сгинул без права покинуть должность и пределы города, не в состоянии ни вернуться назад, ни оказать должную помощь семье. Только изредка приходили письма от него и еще реже денежное довольствие. Доходили и слухи, сведения о которых Петр Гаврилович сообщать не изволил, – сказывали, что опростоволосился дворянин Резанов в столице сибирского края, сойдясь с неграмотной простолоудинкой. Сказывали, что и дети у них народились в грехе. Но все это были только слухи, – как эхо минувшего, а побывать и узнать на месте, не было ни сил, ни возможности, ни желания. Так и жили супруги Резановы врозь, а дети росли без наставлений и какого-либо отцовского доброго напутствия.

Николай Резанов после скандала, скорой отставки и высылки из столицы не находил для себя в уездном Пскове иного, как удариться в бесперспективное времяпрепровождение в обществе таких же как он неудачников, ленивцев и девиц не обязывающего ни к чему поведения. Правда, все это вялое общество требовало денег, которых всегда не хватало, поэтому Николай, стал регулярно навещать белошвейку Дарью, прижившую еще в юности сынишку, которая теперь была рада приветить обходительного и благородного кавалера.

Так у них и сладилось.

Дарья снимала флигель в доме у реки с отдельным входом, держала комнату чистенькой и вполне была более-менее обеспечена, зарабатывая на хлеб и содержание сына своими ловкими красивыми руками. Резанов не баловал любовницу подарками, а та безропотно принимала его у себя, робея по-прежнему перед дворянством и образованностью барина, старалась угодить и исполнить любую прихоть, когда-то приближенного к императрице человека.

Конечно, эти отношения никак не удовлетворяли амбиций бывшего гвардейца, имевшего случай быть в любовной связи с императрицей. Теперь оказавшись, как казалось, в тупике жизненной ситуации, которая грозила унылым прозябанием, Николай Резанов неустанно думал о новых возможностях изменения своей участи.

Один из вариантов житейских действий мог состоять в удачной женитьбе, да вот невесту достойную найти было непросто в этих местах. Достоинства невесты оценивались, конечно, по размеру приданого и по возможности приобретения значительного влияния в обществе через новоявленных родственников. Но вокруг были в основном все разорившиеся, без должного положения в обществе люди, а найти суженую, такую чтобы и для души была приятна и с достойным приданным, было крайне сложно. Эту свою затею, Николай скоро оставил, предавшись удовлетворению своих мужских потребностей в обществе местных жриц любви и скромной белошвейки Дарьи.

Перспективы по службе в гражданском суде Пскова были так же крайне ограничены. Здесь в провинции приходилось ждать какого-либо продвижения вверх по служебной лестнице только взамен ушедшего на покой или на погост чина. Поэтому исправно посещая службу и освоив ее тонкости, Николай, понимая теперь уже остро, что время уходит безвозвратно, на исходе четвертого года пребывания в Пскове стал настойчиво искать новых для себя перспектив, которые были реальны только в Санкт-Петербурге. Но, помня о запрете пребывания в столице и, побаиваясь гнева властей, Николай не посещал до поры до времени Петербурга, понимая в то же время, что если так будет продолжаться и далее, то он просто потеряется в среде провинциального города.

Годы шли, а новости из столицы продолжали волновать Николая Резанова, так как не так давно он сам был участником всех этих светских событий.

Пришли вести, что после поездки в Крым, которая оценивалась Екатериной как очень удачная, Дмитриев-Мамонов обрел статус графа Римской империи. Скоро, однако, оконфузился, и попросил у матушки императрицы отвода, уличенный в любовных отношениях с фрейлиной императрицы, девушкой без приданного малолетней еще Дарьей Щербатовой. Ека-

терина не стала гневаться и обручила молодых, одарив щедрою рукой и жениха, и невесту и благословив их как своих детей на семейное счастье. Этим своим мудрым решением и отомстила изменщику, который совсем не любил фрейлину, а должен был теперь против своей воли обвенчаться и строить теперь с ней семейное гнездышко.

На место нового фаворита императрицы претендовали теперь новые избранники, и один из них, давний знакомец Николая Платон Зубов, гвардеец Семеновского полка, с которым Резанов имел случай встретиться и даже оказать достаточно значительную услугу. Услуга состояла в том, что в один из вечеров, изрядно напившись в ресторации, Зубов попал в карточный переплет и был изрядно побит. Дело дошло до того, что в ход пошли и шпаги.

Прибыли солдаты с комендантом и все могло кончиться казематом, после которого и из конной гвардии, в которой служил тогда Платон, могли погнать, да в дело вмешался Николай с приятелем. Заступился, отговорил коменданта, упросив отпустить гвардейца, проявляя мужскую солидарность и находчивость. Николаю пришла в голову скорая идея сослаться на авторитет сенатора Гавриила Державина, с которым он виделся у своего дяди, друга Гавриила Романовича.

Платон был немного, всего-то на пару годков, моложе Николая, слыл среди гвардейцев удачливым красавчиком, героем многочисленных любовных историй и изрядным кутилой, не склонного к тяжелым решениям, монотонной службе и ведомого по жизни в основном покровителями.

Восхождение Платона Зубова на вершину случилось летом 1789 года, когда по протекции графа Н. И. Салтыкова, у которого служил отец Платона, он попал в гвардейский конвой Екатерины и стал сопровождать ее в поездках в Царское село. В один из дней Екатерина отметила красавца офицера, и скоро вручила перстень с именной монограммой, а затем, не откладывая, чин полковника и десять тысяч рублей на обустройство.

А уже в августе 1789 года Екатерина сообщает светлейшему князю Григорию Потемкину еще и о брате Платона – Вениамине:

«...есть младшой брат, который здесь на карауле теперь; сущий ребенок, мальчик писанной, он в Конной гвардии поручиком, помощи нам со временем его вывести в люди... Я здорова и весела, и как муха ожила...».

Вениамин тоже стал *«учеником»* императрицы.

Но вскоре Вениамина Екатерина нежданно быстрехонько отправляет в армию к князю Григорию Потемкину.

Причина столь срочной командировки *«дитяtko»* проста: Платон приревновал к брату, и на то, видимо, были веские причины.

Узнав, что братец подбирается к покоям императрицы, чтобы овладеть сердцем женщины, Платон напустил на себя слезливый вид, нашел убедительные для Екатерины аргументы и упросил убрать с глаз императрицы своего смазливового младшего брата.

Но это было тогда уже не так просто.

Вениамин в свои восемнадцать лет так приглянулся Екатерине, что она не гнушалась чередовать приемы братьев в своих покоях и, вспоминая братьев Орловых, дивилась себе, своей второй молодости.

Теперь, вечерами сидя перед зеркалом, Екатерина вспоминала с улыбкой бурный роман в свои молодые годы с братьями Орловыми – Григорием и Алексеем. И вот теперь снова родные братья Зубовы в ее покоях. Что это? Улыбка судьбы или просто шалости престарелой дамы?

После командировки Валериана Платон Зубов остался при Екатерине один. Но князь Потемкин не долго держал при себе смазливового Валериана, – отослал его в Петербург с изве-

стием о взятии фельдмаршалом Суворовым Измаила, и при этом просил передать государыне следующее:

«Я во всем здоров, только один зуб мне есть мешает, приеду в Петербург, вырву его».

Его светлость князь Григорий Потемкин-Таврический попытался остановить молодца Зубова в порыве самым тесным образом служить императрице, но вскоре смирился, получив обстоятельное письмо от Екатерины с объяснениями и отметив заурядность нового избранника в серьезных государственных делах.

Вскоре Светлейший князь и вовсе скоропостижно почил, сломленный в пути по Молдавии загадочной болезнью и тяготами на благо Отечества, оставив без опеки свою императрицу.

Тут то и взошла звезда Платона Зубова, который прочно утвердился не только в опочивальне императрицы, но стал ее доверенным лицом в делах государственных. Теперь без участия Платона мало что решалось в столице, а в этом была уже проблема государственного значения, поскольку новоявленный фаворит государственным умом, увы, не обладал.

Оценив ситуацию, изрядно истосковавшись по столичной жизни, устав от безденежья и мечтая о новых перспективах, Николай Резанов решил напомнить о себе Платону Зубову. Посоветовавшись с братом отца, он отважился на новый для себя шаг.

Будучи, как о нем говорили, близко знавшие его – «изрядным писакой», решил Николай составить обстоятельное письмо Платону Зубову со своей насущной просьбой, расценив, что ныне фаворит должен быть щедр после милостей императрицы, да и свои люди ему в его нынешнем положении могут быть очень полезны.

Неделя ушла на составление не длинного, но эмоционально яркого и ясного по смыслу письма в адрес фаворита. Исписав немало страниц и, наконец, найдя, как показалось, нужные форму и стиль, в окончательном кратком варианте письма были сделаны все заверения о преданности его Николая Резанова, как императрице, так и Его Сиятельству. Просил Николай о малом: места достойного для службы на благо императрицы и Отечества и высочайшего позволения вернуться в столицу. Не доверяя столь выстраданное письмо казенной почте, Николай сам решил отправиться в Петербург, и тщательно одевшись, несколько изменив свою привычную внешность, прибыл к дяде, оглядываясь и таясь. Казалось по неопытности, что чуть ли не каждый жандарм или постовой знают о запрете для него на посещение столичных улиц и готовы схватить за шиворот и отправить в казематы под замок.

Через брата отца Ивана Гавриловича, письмо передали в канцелярию Платона Зубова. Расположившись в доме дяди, Николай вскоре решил вечером посетить места, где проводил время, будучи еще гвардейским офицером. Сходил в театр на оперу, прогулялся вечером по бульвару, посетил салон.

После нескольких таких выходов коллежский ассессор быстро освоился в привычном кругу, наметились новые знакомства, и петербургская жизнь вновь стала понятна и мила. Вернулась былая уверенность, появилось желание утвердиться в столице и добиться здесь, не смотря ни на что, достойного для себя положения.

Надышавшись столичного воздуха, Николаю смертельно теперь не хотелось возвращаться в Псков. Но возвращаться каждый раз было нужно – служба требовала присутствия. Теперь вся жизнь в Пскове была подчинена поискам поводов посещения Петербурга.

Так в метаниях между Псковом и Петербургом прошло три месяца.

Иван Гаврилович, отметив в Николае стремление и способности к кабинетной работе и канцелярскому поприщу, поощрял его пребывание в своем доме, порой наставляя племянника советами:

– Николай, ты человек еще молодой и способный. Но этого не хватает для хорошей карьеры в столице. Умей заводить знакомства и не гнушайся услужить тому или иному чело-

веку, сделаться для него приятным, полезным и незаменимым. Усердие брат и послушание, вот залог твоего продвижения. Коли будет высочайшее позволение вернуться тебе в столицу, ты уж используй этот случай, а не то так и состаришься в Пскове. И запомни Николай, только связи и никакого самовольства, тем более самоуправства. Только работа под покровительством и на покровителя могут дать тебе возможность прослыть послушным и управляемым. А к таким разумным да послушным всегда благоволят, таких людей, выдвигают. А ты еще и способности имеешь к языкам и наукам. Все это вместе даст тебе результат. Теперь только следует дождаться решения о возможности вернуться в столицу на новое для тебя место работы.

7. Начало карьеры

В один из дней в канцелярию суда Пскова пришел приказ. Ассессора суда Николая Резанова вызывали в Санкт-Петербург с назначением в состав Санкт-Петербургской таможни. Резанов активно взялся за работу и, проявив способности, вскоре оказался в канцелярии вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа Ивана Григорьевича Чернышева.

По прибытии в Петербург, быстро освоившись на месте службы, Николай ревностно взялся за дела, и вскоре, поддержанный графом Чернышевым, оказался на месте руководителя канцелярии, а затем скоро занял важный пост эзекутора коллегии.

Под руководством полного генерала по флоту престарелого уже Ивана Чернышева Николаю Резанову пришлось заниматься новым для себя морским делом, в частности вопросами снабжения и материального обеспечения флота. В будущей его деятельности полученные знания очень пригодятся Резанову, а пока он успешно разбирался в новом для себя занятии, заслужив стараниями благосклонность графа Чернышева. Николаю пришлось изведать все нужды русского флота, начиная от пакли и оканчивая вооружением, порохами и питанием моряков.

Граф Чернышев был в курсе скандала с золотыми монетами при поездке в Крым, так как сам сопровождал в то время Екатерину, входил в ее свиту с целью оценки результатов работ по строительству черноморского флота России. Сам граф был в почете у императрицы, его заслуги отмечались ею регулярно. Вот и в день празднования мира в войне со Швецией, в которой флот сыграл решающую роль, граф Чернышев был награжден алмазными знаками ордена св. Андрея Первозванного «За труды в вооружении флотов при управлении Морским департаментом».

Пользуясь доверием и поддержкой авторитетного руководителя, который при малейшей возможности выгодно аттестовал Николая Резанова, в карьере бывшего гвардейца наметился подъем.

При положительной аттестации и по рекомендации графа Чернышева, Николай Резанов скоро назначается на высокую должность правителя канцелярии Гавриила Романовича Державина, кабинет-секретаря Екатерины II.

Так через несколько лет Николай Резанов вновь оказался рядом с Екатериной, сблизившись с императрицей на минимальную дистанцию. Гавриил Романович знал и ранее Николая Резанова, будучи в прекрасных отношениях с успешным братом отца Николая Иваном Гавриловичем. Это знакомство с одной стороны можно было считать протекцией, а с другой Державин знал о личных достоинствах Николая Резанова, особенно о его способностях в изучении иностранных языков. Николай, хотя и имел домашнее бессистемное образование, тем не менее, вполне владел немецким, французским, английским и легко ориентировался в других языках, схватывая их налету.

Так, достаточно быстро Николай Резанов вновь оказался в поле зрения Екатерины под покровительством таких могущественных людей как граф Иван Чернышев и Гавриил Державин.

Судьба вновь сделала реверанс в сторону Резанова.

Теперь он регулярно встречался с императрицей, не подавая вида о более раннем их знакомстве, а помня горький урок, стремился держаться скромно. Николай увлеченно занимался делами, пропадая в канцелярии до ночи, разбирал бумаги, писал ответы и реляции, сортировал документы, выполнял личные поручения Гавриила Державина.

Сама Екатерина при первой их встрече после известных событий внимательно осмотрела Николая от лица в бесцветном парике до блестящих черных лакированных туфлей. Ее одобрительная улыбка подтверждала, что он прощен, но прощение, это скорее аванс за дальнейшее безупречное служение.

– Как здоровье, голубчик? – отчего-то спросила его Екатерина, немного лукаво и в то же время с долей грусти.

Екатерина за те годы, пока они не виделись, изрядно располнела. Наряды скрывали умело, как это было еще возможно, неуклюжесть и громоздкость фигуры, но вот лицо, прежде светлое и привлекательное, уже выдавало назревающее нездоровье.

– Я в полном здравии, Ваше Высочество! Готов служить Вам верою и правдой, на благо России! – просто и стандартно, но с должным воодушевлением отрапортовал Николай Резанов, чувствуя нарастающую неловкость и надеясь на скорое завершение разговора.

– Ну, что же, – молодец! Bravo выглядишь! Служи! Думаю, способностей твоих хватит. Да смотри глупости обходи стороной. Они такие бывают зубатые... – Екатерина сделала паузу и пристально глянула в глаза Николаю, – ...и приставучие, – закончила Екатерина и, отвернувшись, как показалось с некоторым разочарованием от Резанова, медленно и уже без всякой грации, вдруг отяжелев, пошла далее.

Гавриила Державин, сам в прошлом гвардейский офицер, позднее наместник Олонецкого и Тамбовского краев, а ныне зрелый, в почтенных, но еще активных годах царедворец пользовался доверием Екатерины и особенно выделялся ею за талант стихотворца и оды в ее честь. Литераторство было главным и любимым делом Гавриила Романовича в жизни, который, впрочем, успешно сочетал службу и литературные труды. При этом второе его занятие вполне успешно помогало в карьерных делах.

Гавриил Романович быстро оценил деловые способности Николая, его сообразительность, знание языков и доверял ему самые сложные дела, в том числе доклады Екатерине, которые он сам делать не любил. Его природная язвительность и дурной нрав неуживчивого спорщика иногда приводили к раздражению Екатерины. Скоро Державин заметил интерес императрицы к секретарю и стал засылать Николая к ней по каждому поводу, что, как показала практика, способствовало более успешному прохождению дел.

В беседах между Николаем Резановым и Гавриилом Державиным частенько возникала тема Екатерины, которую сам Гавриил Романович знал многие годы. Еще на службе в Преображенском полку вместе с братьями Орловыми он принимал активное участие в перевороте по свержению императора Петра III и утверждению на престоле российском Екатерины II.

На его глазах молодая императрица делала первые свои шаги монарха, обретала опыт и мудрость, став достаточно скоро из Екатерины Алексеевны Екатериной Великой. Рассуждая о Екатерине, не обходили по-мужски и ее шалости с гвардейцами и роли фаворитов в жизни императрицы и России.

По этому поводу Гавриила Романович рассуждал как знаток истории и всяческой мифологии, выстроив свою любопытнейшую иллюстрацию всего, что было связано с любовными утехами Екатерины.

Со слов Державина Екатерина интуитивно исполняет роль Великой Богини, которая снесла Золотое Яйцо – Вселенную, роль этакой Мировой курицы.

– Эта роль очень подходит к нашей Матушке Екатерине, которая готова давать жизнь всему существу, оберегает и плодоносит. Эти представления тянутся еще от эпохи матриархата, – начал свой рассказ Гавриила Романович.

Державин сделал паузу, задумался, живо представляя события и людей той далекой эпохи, и продолжил:

– Мужчины племени боялись своего матриарха, поклонялись ей. Очаг, за которым она следила в пещере или хижине, являлся самым древним и естественным центром бытия, а материнство считалось главным таинством. Заметь от слова очаг – очи, то есть глаза. А глаза, как известно зеркало души. В очаге священный огонь-крес, дарящий тепло и уют, пищу и устойчивое чувство рода, крова, семьи – защиты от внешнего мира. Таинство огня, его хранения

то же были частью божественного тайного ритуала, который хранила правительница клана – Мать племени.

А вот по мере того, как стало понятно, что соитие и есть причина рождения детей, Мать племени выбирала себе возлюбленного из числа юношей, состоящих в свите, а когда истекал срок, рожала от него ребенка, а отец ребенка приносился в жертву. Так вот определялся срок жизни избранника, – от его выбора Матерью племени до рождения дитя.

В русской мифологии образ такой Матери племени или Великой богини отражен в образе, ты думаешь кого? Бабы Яги. Да, да, Николаша, Бабы-Яги. Вспомни, когда к ней к ее избушке приходит юноша и говорит: «Повернись избушка ко мне передом..., а к лесу задом»..., – что показывает готовность вступить с избранным Богиней юношей в связь, после чего, как известно, следовала смерть избранника. А весь смысл и оригинальность сказания часто заключаются в том, удалось ли юноше избежать гибели и как-то прельстить или обмануть Богиню. А вот перемена Богини в Ягу произошла в те времена, когда закончился матриархат и образ Великой Богини потерял магию и привлекательность.

Такой вот образ Великой Богини очень подходит нашей матушке Екатерине. Теперь она уже вовсе не молода, беззуба и седа, так еще больше из-за этого подходит этот образ для нее. Только ступы да метлы у нее вот нет, так она иначе обходится. Летает Воля ее над государством российским в виде разумных указов и ответственных исполнителей их.

А то, что молоденьких мужичков любит, и ты этого не миновал, – Гавриила Романович, лукаво прищурился, примолк, оглядывая Николая, а убедившись, по мимолетному смущению Резанова, что его последние слова попали в нужную точку, продолжил, – так это только вписывается в концепцию Великой Богини. Но она поступает, знаешь, в данном случае помудрее. Не приносит, условно говоря, в жертву своих избранников, а образует, испытывает, а тех, кто эти испытания и науку прошел успешно, к делам государственным пристраивает, дает возможность послужить, себя на службе на благо Отечества реализовать. И бывает от этого толк. Вот, возьми тех же братьев Орловых или Потемкина! Делами большими славны эти герои на благо Отечества!

И конечно, очень тяжело она переживает свой возраст и физическое свое дряхление. Помните, были мы на премьере спектакля в театре, в тот год, когда Екатерине стукнуло пятьдесят. Ставили пьесу Мольера, ее любимца, а там возьми, одна из героинь представления, и ляпни:

«Что женщина в тридцать лет может быть влюбленной, пусть! Но в шестьдесят?! Это нетерпимо!»

Реакция сидевшей в ложе государыни была мгновенна и совершенно нелепа. Она вскочила со словами:

– Эта вещь глупа, скучна! – и поспешно покинула зал.

Спектакль сразу после ее слов прервали и никогда не ставили более. Вот так тяжело для нее взросление бабье дается.

Гавриил Романович тяжело вздохнул и продолжил свою мысль:

– Слова из пьесы болезненно укололи императрицу, которая никак, ни под каким видом не хочет примириться с надвигающейся старостью и сердечной пустотой, которая следует за ней. Мальчики ей нужны не сами по себе. В сознании императрицы они сливаются в некий единый образ, наделенный несуществующими порой достоинствами – теми, которые она сама хочет видеть, воспитывать в них, теми, которые государыне нужны для искусственного поддержания ощущения молодости и увядающей любви. Но при этом в ней пробиваются и материнские инстинкты, ведь она и вправду годится молодым людям в матери.

Что же касается тебя, ты сейчас, похоже, проходишь этап проверки и испытаний. Вот гляжу я на тебя и думаю, – для больших дел наметила тебя матушка наша. Будь готов, только смотри, конкурентов на это сокровенное место много имеется. Вот думаю, что та история неприятная в поездке с монетами, что с тобой приключилась, возможно, кем-то умно придум-

мана и умело реализована. А в итоге тебя удалось от Екатерины устранить. Вот так! – закончил свой монолог поэт и выдумщик Гавриил Романович.

Слова Державина стали пророческими. Уже скоро Николай уловил возрастающий интерес Екатерины к себе и ревнивые взгляды Платона Зубова, который при встрече с ним отводил глаза и деланно строго и подчеркнуто формально общался с Николаем. Ощущалось растущее недовольство и раздражение Платона Зубова Резановым, и было件нятно, что зреет решение, как это недовольство извести, устранив Резанова от императрицы. И вскоре, такое решение Платоном Зубовым видимо было найдено.

Разговор завела с ним сама Екатерина, спросив Николая:

– А верно ли говорят, у тебя отец служит в Иркутске?

– Да, Ваше Величество! Уже много лет как в Сибири проживает, – служит в суде, ответил Екатерине Николай.

– Докладывали, что в растрате денег он обвиняется. Сумма-то смехотворная, но важен сам прецедент. Неприятная история. Я сказала Платону, чтобы сняли эту проблему. Если хочет, пусть вернется к семье, – продолжила Екатерина.

Сделав вступление, Екатерина перешла к главному:

– Было обращение от купечества иркутского, промышленяющего на берегах Америки. Просят государственной поддержки, сулят высокие доходы и новые земли освоенные к короне нашей добавить. Но мы пока решения не приняли.

Нужно инспекцию им учинить, чтобы и законность соблюдали и в казну платили исправно и честно. А еще важно все изучить на предмет сношений с иностранными государствами в этом краю света. Ты бы мог за это многотрудное дело взяться, голубчик? Вот Платон Александрович тебя настоятельно рекомендует отправить с миссией в Иркутск. Не часто он дельные советы дает, а этот думаю, – вполне хорош. По возвращении из Иркутска, при должной расторопности и усердии, думаю, твой путь в делах государственных будет нами освящен. И отцу добрую весть принесешь, что закрыли дело на него о растрате.

Екатерина явно не доверяла сибирским купцам и их запискам о Северной Америке. На этот счет она написала свою резолюцию:

«Что они учредили хорошо, то говорят они, никто там на месте не свидетельствовал их заверения».

– Почту за честь, Ваше Высочество! – смог только это и ответить Николай Резанов, понимая, что жизнь закладывает новый крутой вираж и устоять на этом зигзаге судьбы будет не просто.

Здесь в Санкт-Петербурге для него наметился тупик активной и успешной жизни, а поездка в Сибирь была более всего похожа на ссылку.

Боясь внимания стареющей Екатерины и опасаясь навлечь на себя гнев могущественного фаворита, Николай желал активной и продуктивной деятельности и был готов к ней.

Теперь оставалась одна надежда, что новые перспективы в карьере могут случиться уже после его успешной поездки в Сибирь.

Вернувшись вечером домой, Николай рассказал домашним о решении отправить его в Сибирь, в Иркутск, где он увидит отца. Мама сокрушенно повздыхала, и благословила сына, подумав, что эта проклятущая Сибирь забрала у нее мужа, а теперь забирает и сына.

А Николай, собрал друзей и, сообщив о решительном изменении в своей жизни, устроил шумную пирушку, после которой дальнейший его жизненный путь, хоть и не прояснился, но и не выглядел таким уж пугающим.

8. В Иркутск

В Иркутск Николай Резанов отправился в 1794 году по зимнику, сразу после нового года в составе миссии архимандрита Иоасафа, направленного в Русскую Америку на остров Кадьяк для налаживания работы церковных приходов и церковно-приходских школ в русской колонии, рассчитывая прибыть в город весной еще до наступления распутицы.

Утомительная дорога в компании церковнослужителей и служивых людей заняла почти три месяца.

Двигаясь на восток, Резанов думал о событиях своей жизни, об оставленных в Пскове матери, брате и сестре, о Екатерине и отце, которого он, после столь долгого перерыва, сможет увидеть в Иркутске. Чувств к отцу не было, все же период жизни без него был слишком велик, а обида за матушку теребила сердце.

В размышлениях долгой дороги невольно подумалось:

– Как все-таки велика Россия.

Достигнув Волги и Казани – в прошлом столице татарского ханства, подумалось об истоках дворянского рода Резановых, о своем прапрадеде татарском беке Мурат Демир Реза, который более двух столетий назад, ощутив растущую силу московского княжества, перешел на службу к московскому царю и переменял веру, перебравшись из Поволжья в Москву.

– Вот, такова наша Россия. Голова в Европе, тело в Азии, а сердце бьется где-то между, порой не зная, в чем предназначение. Гремучая смесь европейской утонченности дворцовой элиты и сыромятной плоти, исподнего белья азиатского величия, – территориального и духовного. Как странно чувствовать себя после прочтения Вольтера и Руссо посреди бескрайней снежной равнины, в которой жизнь человека и животного совершенно равнозначны, а уют и удобство сих мест на уровне продуваемого ветром сортира. Только топот копыт бесчисленных орд до сих пор колыхали эти просторы и сотрясали землю.

– Вот такая вот, Николаша, сатира, – съязвил бы Державин по поводу упомянутого сортира, который сам, будучи потомком казанского мурзы Багрима и прапрадеда Державы, остро ощущал свою личную роль и роль других инородцев, которые своей плотью, разумом и энергией плавил и плавилась и превращали этот народ в новый, невиданный ранее этнос.

– Мы, европейский как будто народ, – продолжал заочный спор Гавриила Державин. Но я, как и ты, Николай, по крови своих предков татар – кочевников-степняков – буйной поросли Великой степи, огромного азиатского континента. И вот мы здесь в этих правительственных палатах, да дворцах, служим нашей Императрице. Что мы за народ? Правит нами, воспитанная католичкой, немка. На службе каждый второй то ли немец, то ли француз или голландец. Вера у нас православная, а глаза у многих еще несколько раскосые, а в сердце вера в величие этой огромной территории по прозванию Россия. Как так может быть, и к чему мы стремимся и что создаем? Думаю над этим всю жизнь и считаю, что именно так и должно быть, ибо строим колосса по прозванию Российская Империя, продолжая дело Великого Петра. Но с какого-то момента я стал понимать и другое, то, что Империя Петра – это только вывеска. Страна же живет, по своей, только ей ведомой программе, своему коду, разливаясь по миру обильным половодьем, становясь пристанищем народов на огромных замороженных просторах, разбросанных во все края из-за суровости климата, скудности рациона и трудностей быта, часто жестоких указов, дурости и алчности знати. Тем не менее, как магнитом, несмотря на определенное сопротивление, тянет Россия в себя народы.

В чем закон притяжения?

В терпимости народа, места которому всегда хватало на этих просторах? В терпимости и добродушии, в воспитанном веками понимании, что выживать можно только вместе. Бродила и зрела в людях страны новая вера, новое понимание своего предназначения. Так Гаври-

ила Державин, потомок татарского мурзы, фанатичного проповедника ислама, ощущал себя не просто русским, а человеком, глубоко понимающим мелодию и тонкие смыслы языка, знающего историю своего народа, его культуру.

Таким вот образом мог размышлять Николай Резанов, впитывая просторы великого пути через заснеженные равнины, вспоминая своего наставника Державина, который умел заинтересовать молодого человека своими мыслями.

Так добрались, смятая снег и пересекая реки до Камня-Урала и, обойдя горы с севера, достигли Тобольска, понимая, что вступили на землю далекой Сибири. Отдохнув в Тобольске, поспешили через Томск и Красноярск к Иркутску.

В марте, уже по раскисающим под активным дневным весенним солнцем дорогам, Николай Резанов въехал с Московского тракта в город, едва успев пересечь Иркут, а затем и Ангару по зыбкой уже ледовой переправе Троицкого перевоза, оценив размах и мощь реки, несущей дыхание Байкала. Перевоз связывал городское предместье Глазково с центром города и на берегу уже возились перевозчики, смоля свои баркасы, – готовились к скорому ледоходу и новой навигации.

На время зыбкого льда переправы и ледохода город распадался на пару недель, сообщение с центром города нарушалось, и в Глазково копились депеши с тяжелыми сургучными печатями для губернатора, попавшие в переплет путешественники и служивые люди. Но как-то из положения выходили, стараясь наморозить переправу за зиму так, чтобы служила до первого могучего вздоха набухающей по весне реки. С этой целью, особенно в теплую зиму, хлопотали на переправе городские пожарные с бочками и помпами, качали ангарскую воду на ветшавшую ледовую дорогу.

Сразу за рекой обоз оказался в городе, преимущественно деревянном, с резными наличниками и высоченными деревянными воротами. Из-за распутицы город казался еще более неухоженным, обветшалым и неудобным. Радовали стройностью и яркостью храмы города, возвышающиеся над низкорослой убогостью основной части домов и строений. Вдоль Ангары и в центре города было уже достаточно каменных зданий, но в основном город был деревянным. Город насчитывал более тридцати тысяч жителей и более десятка тысяч дворов и домов, связанных в центре города деревянными тротуарами вдоль улиц.

Вскоре подъехали к дому отца Николая Петра Гавриловича, и вся дворовая команда выбежала встречать молодого барина. Среди встречающих Резанов отметил молодую еще, но увядшую лицом, женщину из простолюдыя, с острым любопытством рассматривающую прибывших, и жмущихся к ней детей, – мальчика и девочку, столь похожих, что было ясно, что это брат и сестра, видимо погодки. И что особенно привлекло внимание Резанова к ним, так это сходство детишек с его младшими братом и сестрой. Николай не сразу догадался, что это дети здешней сибирской семьи его отца, а когда пришла догадка, с улыбкой стал рассматривать детей. Женщина смутилась и увела детей во двор, напоследок оглянувшись и еще раз, с интересом оглядев Резанова.

Отец сильно постарел, ссутулился, почти совсем беззубел и выглядел ветхим и потерянным. В разговоре поделился о свалившейся на него напасти, что с ним приключилась здесь, – о расследовании пропажи денег, которые потом как бы нашлись, но оставили след на его репутации, а дело до сих пор не закрыли. Николай обрадовал отца, показав ему распоряжение из столицы о закрытии расследования пропажи денег.

В тот же день по прибытии в дом отца пришел посыльный от Георгия Ивановича Шелихова. Раскосый молодец в забавном треухе сообщил о желании купцов-компаньонов встретиться по решению деловых вопросов и передал официальное приглашение от самого Георгия Ивановича быть у него завтра к обеду.

А на следующий день с утра, приведя в себя в порядок с дороги, Николай Резанов отправился в резиденцию генерал-губернатора, где после доклада сразу оказался в кабинете высокого чиновника.

Иван Альфредович Пиль происходил из шведских дворян и был хорошо аттестован Екатериной перед поездкой. Преклонных уже лет губернатор правил с 1788 года Иркутским и Колыванским наместничествами твердой рукой и вполне разумно. При Пиле в городе появилась судостроительная верфь, два учебных заведения: развивался как город, так и производство. Губернатор вполне ладил с купцами, находил у них понимание в стремлении развивать торговые отношения с Китаем и Японией.

Кабинет губернатора не отличался роскошью, а сам генерал-поручик в полевом мундире за большим столом темного дерева выглядел буднично и деловито. Выйдя из-за стола навстречу петербургскому чиновнику, Иван Альфредович, разглаживая усы, приветливо улыбался и, приобняв посланца императрицы, доброжелательно похлопал его по плечу.

Николай Резанов в ответ раскланялся и вручил губернатору именные депеши, касающиеся деятельности иркутских купцов компании Голикова-Шелихова, предприятие которых собственно и следовало ему проинспектировать.

– Наслышаны мы о Вашем приезде. Курьеры уж месяц как доставили рескрипт из столицы о Вашей поездке. Очень рад, что не забывает Ее Величество о наших проблемах. Требуется высочайшее участие в деле развития торговли и купеческих промыслов на Камчатке и в Америке. Мы все надеемся, что Вам удастся составить полное и объективное впечатление о состоянии дел купеческих и донести до Ее Величества всю значимость этого дела. Мы рассчитываем на Вас, Николай Петрович, – получив от Резанова документы, поприветствовал посланника губернатор.

– И я наслышан о Вашей здесь активной и плодотворной деятельности, уважаемый Иван Альфредович. Сегодня уже встречаюсь с Шелиховым и купцами и думаю, все исполним с пользой для дела развития купеческого промысла и на благо России, – поддержал дружелюбный и простой, без официальных, вариант общения Резанов.

– Посмотрите город. После Санкт-Петербурга он Вам покажется убогим и ветхим, но мы стараемся. Вот недавно новый Богоявленский собор открыли, улицы мостим понемногу, а на триумфальной арке при въезде в город герб города, императрицей нашей утвержденный, вывели. Обратили внимание? – продолжил «раскланиваться» губернатор перед высоким гостем.

– Да, внимание обратил. Только вот до конца не понял, – что за зверь держит в зубах соболя или куницу? Сказывали, бабр..., я такого зверя не знаю. Местный, какой? – спросил Резанов.

– Вы точно подмечаете, Николай Петрович, наши особенности! Бабр – это так придумали давно! Это тигр по-якутски, который сказывают, обитал и в здешних краях, – ответил, хитро улыбнувшись, губернатор.

– Позвольте, Иван Альфредович, я тигра себе иначе представлял, – разыграв удивление, ответил Резанов и продолжил, улыбаясь, – у тигра и хвост не такой широкий и лапы без перепонки и окрас, насколько я знаю, в полоску. Я знаете, внимательно смотрел, – на лапах когти и перепонки, как у водоплавающего зверя, а хвост как у белки широкий.

– Это можно назвать курьезом, который впрочем, уже стал иркутской историей и достопримечательностью.

А дело было так.

Отправили в столицу описание герба с указанием, что бабр держит в зубах соболя, а местные писари..., о, Господи! Сколько от этого сонного сословия приходится терпеть! – воскликнул губернатор, – слово бабр по незнанию обозначили как бобр. А столичный художник, так и нарисовал герб по описанию: то ли бобра изобразил, то ли неведомого миру зверя, ибо на тигра этот зверь точно не похож. На мое мнение так, что не похож он и на бобра. А уж после

утверждения изображения герба что-то в нем менять не решились. Вот так и вышло – как бы бабр, но то ли тигр, то ли какой другой страшный зверь.

– Да, странная вышла история. Но она вполне наша – российская. Столько нелепиц порой происходит. Вот сказывали, как-то писари кляксу выводили в списках полка на награждение и вписали по ошибке нелепую фамилию человека, который в полку не служил вовсе. Фамилия эта – Кижэ, что изначально должно было означать: «Иже с ним», то есть и другие по списку также. Так знаете!? Не только наградили новоявленного Кижэ, так еще и к следующему чину его представили. А как стали искать – найти не могут! Нет такого человека! Давай рядить, куда награду девать и чин новый, – с улыбкой рассказал известную в армейских кругах историю Николай Резанов.

– Вот как! Забавно! Бумага все стерпит, и сказано верно:

«То, что написано на бумаге, – топором не вырубить», – поддержал тему губернатор и продолжил:

– Остановились то у отца? Хорошо, что закрыли дело о растрате денег. Сумма там небольшая и как он так неаккуратно все сделал, что всплыло и пошло гулять по судам и канцеляриям. Он уж и деньги вернул потраченные, а бумаги так и ходили без конца. Ну, теперь будет у него право вернуться к семье, – сменил тему разговора губернатор.

– Разрешите откланяться, Иван Альфредович, сегодня у меня еще встреча с купцами. Нужно идти, – стал прощаться Николай Резанов, отметив, что взгляд Пиля, после слов об отце, в его сторону стал как будто более пристальным и колючим.

– Знает видимо об истории с монетами, приключившейся со мной, – мелькнула мысль в голове посланника.

От этого на душе стало спокойно.

Губернатор, тем не менее, закивал головой, давая согласие на окончание встречи.

Николай встал и, откланявшись, вышел.

Обед у Шелихова выдался знатным. Собрались все компаньоны хозяина в делах торговых, коих было человек десять, а встречала гостей хозяйка Наталья Алексеевна, молодая еще, свежая, с восточной яркостью во внешности. Ходили слухи, что бабка Натальи происхождением была из Страны Утренней Свежести – Кореи и жила, то ли у курильских айнов, то ли гиляков пленницей. Айнов русские купцы прозывали «лохматыми» из-за характерных неухоженных богатых растительностью голов и мнения, что все тело у них также покрыто густой шерстью.

От лохматых-айнов Наталья бабушка была вывезена Никифором Трапезниковым и стала женой сибирского купца. Наталья от бабушки унаследовала немного раскосые темные глаза, восточный овал лица и смоляные густые косы.

Стол отличало изобилие сибирских продуктов: тут и разная байкальская рыба, – сиг да нежный омуль с осетром во главе, и соленья-копчения, и всяческая инаястряпня – пироги, да расстегаи.

К гостям вышли и две дочери Шелиховых.

Сразу с маменькой к гостям вышла не полных пятнадцати лет Анна, что была постарше, а потом, припоздавши, запыхавшаяся – видимо шибко бежала-торопилась, Евдокия, еще более юная тринадцатилетняя кокетка с ярким, совсем еще детским личиком, румяная и быстрая.

9. Анна

Анна, не смотря на ранние свои года, уже невестилась. Голубоглазая и русоголовая русская сибирская красавица, юная еще совсем, только входившая в дивную девическую пору, когда грудь при волнении теснится и вздымается, распирает растущее чувство грядущего материнства и от того влечет за собой страстное томление и желание неизведанного, непонятого, ради которого хочется страдать и умереть даже. Влечет образ милого и ласкового участия в девичьей доле, которая пока весела-беспечна и одновременно полна грусти, скрытна и в то же время открыта всем взорам и от того хочется поминутно то бежать, раскинув руки и просто радоваться миру, то тихонечко сидеть у окна, томиться, ожидая неведомо-увлекаемого изменения в девической судьбе.

Поведение при гостях выдавало в Анне тщательную подготовительную работу, проведенную под руководством матери: заученные степенность, неторопливость суждений, кроткий взгляд, глаза опущенные долу.

Но при этом, взгляд синих глаз, брошенный на гостей как бы случайно, легкая улыбка на ярко очерченных полных губах, пригожее без румян лицо, длинная русая коса, создавали образ вполне законченный, но в то же время такой юный, свежий, наивный, такой заманчивый, что гости, глядя на Анну, всегда улыбались, радуясь удаче видеть такую девушку в нарядах, во всей ее замечательной привлекательности.

Анна поняла, что неспроста ее маменька нынче вывела на люди и тихонечко сидела за столом, робко и совсем мало кушала, изредка поглядывая на приезжего гостя из самой столицы. Думала ли она, что пройдет всего несколько недель, и она уже в своих мечтах будет только с ним, с этим взрослым, исполненным достоинства строгим кавалером, который совсем не походил на здешних парней и мужчин.

Николай сразу почувствовал, что он сегодня объект повышенного внимания не только как посланник и инспектор императрицы, но и как потенциальный жених. Было несколько странно представить в роли невесты юную Анну, все же она еще только входила в пору своего девичества, но он знал, что нравы в среде купцов проще и рациональнее светских, а дочерей старались отдать с выгодой для семьи пораньше – как только появлялся достойный жених. И, слава, Богу, если жених находился по летам еще не старый. А то могли отдать и за старика, торопясь оформить брак как выгодную сделку посноровистее, чтобы можно было извлечь из брачного союза новые для дела и семьи преимущества.

Девка-доченька в семье – товар, а коли уж и красива, да пригожа и умненькая – товар высоких качеств.

Сын – верный помощник и наследник дел купеческих.

Так вот сложилось, так и распоряжались по жизни спокон веку.

Аннушка была славной и любимой дочерью, воспитанной в строгости под неустанным внимательным контролем маменьки. Она знала правила ведения домашнего хозяйства, была грамотна в меру, свято верила в бога и в своих родителей. Красотой ее природа не обидела: русская классическая красота в ней сочеталась с некоторым восточным намеком на тайну происхождения кровей шелиховских детишек.

Наталья Алексеевна слыла деятельной хозяйкой, порой на равных с мужем вершившей купеческие дела в компании.

В своей ранней молодости, приученная еще дедом своим купцом Никифором Трапезниковым к дальним поездкам, рисковым делам, которые часто приходилось вести с полудикими людьми, она побывала на дальних таежных промыслах на берегу океана, сопровождая мужа, сплавлялась по рекам и знала мощь и безграничные размеры океана. Вот в такой первой тогда поездке и понесла Наталья первенца – Анну и вернулась домой, в их новый выстроен-

ный после венчания дом, уже с писклявым кулечком. По рождению детей прыть энергичной хозяйки поубавилась. Она перестала выезжать на дальние рубежи, верша дела в отсутствии мужа решительно и грамотно, не боясь споров и противостояния с компаньонами и клиентами. И теперь, мгновенно оценив столичного гостя, его потенциал для роста их купеческого дела, она в первый же вечер после знакомства с Резановым предложила мужу подумать о том, чтобы выдать юную доченьку замуж за тридцатилетнего чиновника из Санкт-Петербурга.

– Ну как же, Наташенька, мала еще Анна, – попытался возразить Григорий Иванович, ревностно подумав о мужчине в жизни его такой еще юной и любимой Анечки.

– Вот так всегда! Рано, рано, а потом – раз, и уже поздно будет! И потом! Где мы тут найдем ей достойного жениха, чтобы и нашему делу был помощник?! А коли затянем, то она сама начнет себе искать суженого. А как найдет, – то и вовсе не обрадуешься.

Григорий Иванович отмалчивался.

Девка, она хоть и послушная, но себе на уме, – своевольная. В кого это она такая? – продолжала натиск Наталья Алексеевна, вспоминая себя в том девическом возрасте, когда уже невтерпеж, и готова была уже из юбки выпрыгнуть, чтобы сразу из девки стать бабою.

При этом претендентов на помощь, в осуществлении такого качественного перехода из девки в бабу, всегда хватает. Только вот если хватало умишка сдержаться и дожидаться суженого, тогда и толк бывал в делах этих сугубо личных.

10. Наталья Алексеевна

Глядя на свою, так казалось неожиданно повзрослевшую дочь, – красавицу Анну, Наталья Алексеевна вспомнила себя и тот сладкий, а порой мучительный процесс женского взросления, что ждет каждую, кто путается в собственной юбке, завлекая со временем в эту путаницу парней и мужиков.

Вот тут-то и встает вопрос, с кем повестись и кто для этой затеи сгодится, чтобы не было потом мучительно и даже горько.

Когда-то и Наталье Алексеевне пришлось, будучи юной на выданье девицею, решать такую задачу.

С одной стороны, миленок – паренек, чуть постарше самой пятнадцатилетней Натальи, что за ней хаживал, не давал проходу, все норовил повстречать ее в проулке да прижать поплотнее к забору, растревожить девичью плоть, а по субботам – в банный день, караулил на заднем дворе, чтобы через тусклое слюдяное оконце разглядеть запретные Натальины прелести.

С другой-то стороны видно было конечно, что пустозвон и голытьба этот настырный миленок, который прижимался к пылающему лицу Натальи холодным своим веснушчатым носом, слюнявил ее, неумело пытаясь поцеловать. Но сердечко Наташкино молчало, плоть была глуха к навязчивому обхаживанию и горячему взволнованному дыханию.

– Гол, как тесаный кол, и подпоясан глупостью, – подвел итог наставлениям дед Натальи Никифор, дав краткую характеристику Наташкиному ухажеру.

Дедушка Никифор Трапезников, ей все на Алексея Гуляева показывал. Тот конечно не красавец, в годах уже мужик и рябоват, да дело знал.

– С лица воды не пить, – не унимался дед Никифор, раз за разом привечая Алексея и подталкивая к нему внучку. Боялся старый, что вот-вот уйдет из жизни, а Наташа останется одинешенька.

А Гуляев, сноровистый мужик, все мотался в Трицкосавск, небольшой, но богатый купеческий городок на границе с Китаем, известный обширным чайным Кяхтинским рынком, промежуточным пунктом Великого чайного пути из Китая в Европу. Через Трицкосавск Гуляев продвигал торговлю китайскими товарами, среди которых были чай, всякие специи, ткани, лекарства и обменивал это добро на меха и кожи, добытые промысловиками в сибирской тайге и на дальних промыслах на Камчатке и в Америке.

Вот когда умишком-то Наташа раскидывала, отстранив от выбора песню сердца, оставалось за купца Алексея Гуляева идти и следовало. Купец старше ее конечно, но сильный, быстрый да удачливый и было сразу видно – с перспективой купец.

Так и сладилось после долгих и мучительных сомнений.

Сосватали Наталью и оженали молодых под золотым куполом поздней осени.

Под венец Наташа шагнула девственницей, практически не целованной, если не вспоминать неуклюжие лобызания юного ухажера.

Первая брачная ночь и увлекала, и пугала ее.

Бодрясь поначалу, в круговерти сватовства, подготовки к венчанию и свадьбе, не особо думала о грядущем изменении своего женского статуса. Но в день свадьбы, впервые неловко и неумело поцеловавшись с мужем при венчании, вдруг поняла, что вовсе не увлечена им, а как бы напротив – неприятен ей суженый.

Но первая ночь в замужестве настала и навалилась тьма, а с ней и жаркое сопение и дыхание, жесткие грубые пальцы мужа, что взялись теребить настойчиво и неласково юное тело, сдавливать бугрившиеся девичьи груди и гладкий выпуклый слегка живот и его низ. Наталья стонала от пронзившей ее боли, было неприятно, стыдно и гадко. Ей казалось, что ее за что-то хлещут плетью прилюдно. всплыло в памяти вдруг воспоминание о том, как однажды, девоч-

кой еще, она взялась неловко доить корову, но едва приступив к подергиванию вымени, получила хлесткий удар жестким упругим хвостом по животу, ногам и спине. Наказав неумелую доярку, корова ударила ногой по ведру, сведя на нет все усилия и давая понять, что в молоке этой несноровистой неумехе отказано. Горячее еще молоко расплескалось, окатив Наталью и грязный пол белым пенным покрывалом.

Сейчас было также, как в ту нелепую дойку, больно, неловко, мокро-липко и гадко. Тело содрогалось и каменело, не воспринимая грубых ласк нелюбимого мужа.

Мучительная ночь закончилась, а светлого чуда, о котором в тайне мечталось, не случилось.

Рано поутру, поднявшись с постели, на которой, утопая в перине, раскинулся и похрапывал неприятный и непринятый ее плотью человек, убрала косу на голове в тугой калач, Наталья начала жизнь в замужестве, смиренно принимая душевные и физические тяготы ночи и труды дня.

Мирило с тем, как сложилась ее бабья жизнь, то, что нелюбимый муж часто уезжал и тогда, освободившись от него на время, молодая жена отдыхала и с тревогой ждала его возвращения.

С замужеством Натальи сошлись торговые дела Трапезникова, старого уже и уставшего от дел хлопотливых, и Гуляева – молодого еще, крепкого, да энергичного. Воспринял советы, подхватил идеи старого купца Алексей Гуляев и дела пошли еще шибче в гору.

Но судьба распорядилась как всегда по-своему.

Не вернулся Алексей Гуляев практически сразу после свадьбы из поездки в Кяхту по льду Байкала. Дорога пролегла по льду Ангары, а там еще полсотни верст по озеру до Танхоя и вдоль берега до Посольска. А потом тайгою, да редколесьем до самого Троицкосавска. Всего-то верст четыреста зимней дороги: за три-четыре дня управлялись обычно. Дорога по льду быстрая была, да опасная, особенно по весне, когда и многочисленные проталины нерпичьи появлялись, и трещины через Байкал вырастали.

Вскоре разузнали и очевидцы как будто нашлись: то ли убили муженька и его помощников беглые каторжники-варнаки в сибирской тайге, перехватив с товаром и деньгами прямо на тракте у Кяхты, то ли сбились они с пути в метель на Байкале, да и попали в трещину или проталину нерпичью, припорошенную снежком.

Сгинул, как будто и не было человека.

После гибели мужа, Наташа на людях демонстрировала горе и сама поверила, что потеря так велика.

Но сердце девичье живуче. Вот кажется, горяшко жгучее зимою лютою пришло, а по весне все как будто начинает цвести, жизнь обещает новые плоды и сердечко девичье перерождается для новых чувств и испытаний сердечных.

В один из весенних дней разглядела Наталья приказчика купца Ивана Голикова Григория Шелихова.

Глянулся ей мужичек, хотя раньше как-то и не замечала его. Видимо время пришло и сердечко приветило суженого, да и дело, оставленное покойным мужем, требовало пригляда и управления. Самой-то многое удавалось уже тогда, в молодые годы, но все же не бабье это занятие с хитрющими и все норвящими вокруг пальца обвести купцами и промысловиками дело иметь. Да и что греха таить, многие стараются поначалу под юбку забраться, как стала она вдовою, и только получив по роже увесистой Наташиной ладошкой, приступали к деловому разговору. Так и ходила первое время молодая вдова с горящих алым от пощечин ладонью и такого же цвета ушами: не добром поминали тогда ее многие. Но назад возвращать затрещину, и тем более мстить, не решались – боялись скорого на расправу деда Никифора Трапезникова.

Чтобы не случилось непоправимого, направил тогда Никифор своего проверенного в делах черкеса к ней на службу. В мохнатой шапке из овчины, вечно насупленный черкес-душе-

губ – бывший арестант из Нерченска, теперь постоянно ходил с Наташей на встречи с купцами, сопровождал ее в городе. Черкес сверкал глазищами из-под надвинутой папахи, наводя ужас на женщин длиннющим кинжалом в серебряной оправе ножен и таким же длинным, как кинжал, носом.

И было понятно, что нужен крепкий хозяин в доме и в делах. Приглядывалась к Грише, заговаривала, по-бабьи осмелев в замужестве, смеялась да шутила, – все приглашала к общению, давала понять, что мил он ей. Понимала, что мужика надобно увлечь, а то будет, как телок тянуться к бабьей титьке, да так может и вовсе не дотянуться. Путался тогда Григорий с бойкой бабенкой без роду, без племени и нужно было его как-то отвлечь от ее плоти-стат. Увлечен был Григорий и делами на службе, к которым был дюже охоч приезжий рыльский молодец: то пропадал в поездках долгих, то в конторе засиживался до ночи.

И все решилось в один из весенних дней, когда Наталья, будучи в настроении и улучив момент, слегка стрельнула восточными своими яркими глазами в его Гришкину сторону, увлекла мужика в темень остывающей, после субботнего дня, баньки. Та стояла теплая еще, пахнувшая березовым веником с потемневшим от жара до черноты кедровым полком у маленького тусклого слюдяного оконца. Вот эта банька и породнила скитальца из далекой России и сибирячку, чья кровь взяла и русскую податливость-мягкость, и восточную решимость-вспыльчивость, и природную сметливость.

В баньке прильнула всем пылающим сильным телом к Григорию, обняла отчаянно за шею, – не отлепить. Прильнув, отрешилась от земного и очнулась от наваждения, только когда закипевшая страсть выплеснулась и превратилась в великую нежность и теплоту к любимому.

После того первого шального свидания, от которого и теперь, как вспомнится на душе теплеет, а румянец заливаает лицо, Гриша за ней как привязанный стал ходить, а Наталья победно окидывая взором окружающих, свою недавнюю соперницу, сама дивилась своей бабьей ухватистости. И поселилось в этой поре в сердце Натальи большое и горячее солнце. Светило ярко и грело до озноба, когда думала или видела, вдруг любимого Гришеньку.

Так в отчаянной женщине, еще, по сути, совсем юной Наталье Алексеевне, родилась большая любовь.

И с тех пор, помня о первой трагической потере в жизни, сопровождала Наталья Алексеевна своего мужа, отчаянно кидаясь за ним во все его предприятия впервые годы своего второго замужества, отчаянно боясь потерять миленка.

Так продолжалось до тех пор, пока первых детей не родила, которых Господь дарил ей через год на второй регулярно.

Первой родилась Анна, правда с изрядной задержкой, – только на четвертый годок от свадьбы, а за ней как горох просыпался, – через каждые два года раз за разом, правда, девки в основном. Не все детки выжили, но на то божья воля, каждый раз после потери младенца тяжело вздыхали, приговаривая: «Бог дал, – Бог взял».

Любил Григорий свою стойкую к трудностям и бедам пригожую женушку, а она отвечала ему преданно и страстно. И в делах для Григория Ивановича Наталья Алексеевна всегда была такой значительной поддержкой, что казалось, силы растут не по дням, а по часам и горы они могут свернуть вместе, держась крепко за руки.

11. Григорий Шелихов

Григорий Иванович думал о сказанном Натальей Алексеевной о прибывшем из столицы посланнике и когда стал общаться с Николаем Резановым, говорить с ним о развитии купеческого предприятия, понял, – права матушка Наталья, нужен им такой человек для осуществления крупных планов по развитию промысла до масштабов достойных задуманному. А задумано и составлено было уже много чего великого по развитию купеческого промысла на восточных окраинах Империи. А человек грамотный, приближенный к высоким столичным кругам, не богатый и не глупый, был бы очень полезен для воплощения задуманного.

Теперь, вечерами принимая в доме будущего зятя, Георгий Иванович по обыкновению после ужина, расположившись в кабинете, рассказывал Николаю Резанову историю освоения далеких берегов и развития купеческого промысла.

В 1762 году, когда правительницей России стала императрица Екатерина II, она обратила свое внимание на алеутов. Екатерина издала в 1769 году указ об отмене пошлины на торговлю с алеутами, а также издала новый рескрипт, которым приказывала озаботить свое правительство судьбой алеутской народности. Но указ императрицы остался только на бумаге, без контроля и надзора за его исполнением.

И все же благоприятные условия торговли с алеутами привели к оживлению этого направления и вызвали интерес российских купцов к освоению дальних восточных рубежей государства.

История становления купца Георгия Ивановича Шелихова включала ряд удач, но только благодаря своему характеру и природной сметливости удалось выстроить компанию удивившую свет и вознесшую Григория Шелихова в число самых авторитетных купцов Российской Империи.

Проживая в Рыльске, Григорий Шелихов свел знакомство с богатым курским купцом Матвеем Голиковым, а в 1773 году, заручившись рекомендательным письмом от него к его родственнику, преуспевающему иркутскому купцу Ивану Голикову, Шелихов покинул мало-перспективный Рыльск и отправился в Сибирь добывать удачу.

Иркутск был в те времена крупным и самым значительным городом Восточной Сибири, – здесь находилась канцелярия и резиденция Восточно-Сибирского губернатора, которым тогда был герой войны с турками Иван Якоби. В Иркутске проживало в те годы не менее тридцати тысяч человек, и город славился своими церквями и крепким купечеством. И не мудрено, ведь Иркутск был центром торговли с Китаем, а также промыслов на востоке страны и в Русской Америке. Иркутск был тогда центром огромной Сибири.

Приехав в Иркутск, Григорий Шелихов поступил приказчиком в компанию богатого купца Ивана Голикова, разбогатевшего не столько пушным промыслом, сколько, по большей части, за счет содержания питейных заведений в Сибирской губернии.

Толчком к выходу Шелихова на широкую с крупными объемами торговлю была его женитьба на вдове Наталье Алексеевне, унаследовавшей дело своего пропавшего мужа.

Сказать, что только положение и деньги купчихи Гуляевой приглянулись Григорию Шелихову, будет не верно. Оценил он в ней, прежде всего, красоту и смелость, и то, как могла она взять на себя решительно инициативу в деле, отвергая всяческую нерешительность. Никогда Григорий не пожалел об избраннице, получив от нее сполна и любовь, и верность, и поддержку, и конечно серьезную финансовую самостоятельность.

Сразу после женитьбы, располагая теперь нужными для развития торговли и промысла средствами, Шелихов покинул службу у Ивана Голикова и выехал в маленький портовый город Охотск на побережье Камчатского моря, что в устье реки Охота, из которого стал отправлять экспедиции за пушным зверем на Курильские и Алеутские острова. Одновременно он органи-

зовал одну за другой несколько торговых компаний. На этот путь Григория Шелихова настаивал Никифор Трапезников. Именно Трапезников был одним из первых купцов, активно осваивавших просторы восточных рубежей России, и теперь он вкладывал свой опыт и талант в новоявленного зятя.

За пять лет Шелихов сумел снарядить и отправить в дальние края десять судов. При этом чаще всего он становился компаньоном своего бывшего хозяина Ивана Голикова. Первая совместная экспедиция была отправлена в 1779 году, когда Шелихов в компании с купцами Иваном Голиковым и Михаилом Сибиряковым снарядил на промысел на Алеутские острова судно «Иоанн Предтеча».

Главным организатором экспедиции был Григорий Шелихов, а Иван Голиков дал на экспедицию основную часть капитала. «Иоанн Предтеча» благополучно вернулся в Охотск и доставил владельцам пушнины на сумму, многократно превышающую затраты. Григорий Шелихов, контролировавший эту сделку, кроме своей доли взял еще за организацию всей работы увесистый кусок заработка и быстро встал на ноги.

Обычно в те времена компании образовывались только для одного компанейского дела, и после возвращения судна с грузом доходы делились между пайщиками, и компания распадалась. Григорий Шелихов решил организовать нечто более крупное и постоянное, чтобы можно было вкладывать в постройку верфи, судов нажитые вскладчину средства, нанимать на службу на долговременной основе проверенных и знающих людей, расширять объём оборотных денег.

Григорий Шелихов предложил Ивану Голикову основать постоянную компанию сроком на десять лет, и по возможности добиться в Петербурге официальной санкции на исключительные права промышленной и торговой деятельности на островах и на берегах Америки. Осторожный Иван Голиков после некоторого раздумья одобрил план Шелихова и оба купца отправились в Петербург, где в августе 1781 года образовали новую Северо-восточную компанию.

Целью этой постоянного предприятия было определено вести пушной промысел на Алеутских островах и у берегов Северной Америки. К великому разочарованию компаньонов императрица Екатерина II отказалась предоставить им монопольные права.

Екатерина очень настороженно отнеслась к инициативе купцов развивать торговый промысел в Америке. К тому ее подводило с одной стороны не желание втягиваться в международную неурядицу между Англией и рвущимися к независимости Объединенными Областями Америки. На призыв короля Георга помочь Англии в войне с новоявленными американцами Екатерина тактично уклонилась – не наше, мол, это дело, но и развивать активно отношения с новой территорией не спешила.

С другой стороны, понимала императрица, что без должного контроля со стороны государства купцы на новых землях могут учинить такое беззаконие, вплоть до самостоятельности своей купеческой от государства Российского, что потом только головной болью все и обернется. Монополия же именно тот инструмент, который и привести может к бесконтрольному захвату территорий, а контролировать деятельность купцов на расстоянии чуть ли не в половину кругосветного перехода было очень затруднительно.

Смущала императрицу и репутация российских «конкистадоров», уже отметившихся своими «строгостями» в Америке. После жестокого наказания алеутов, выступивших в очередной раз против пришлых с запада людей, против фактического порабощения местных жителей побережий, когда было убито несколько сотен аборигенов на острове Кадьяк, за Шелиховым закрепилась известность «кровавого палача». И в последнее время то и дело к двору приходили вести о новых жертвах с обеих сторон: то вооружаемые американцам алеуты разграбят крепость и вырежут колонистов, то колонисты, озверев от страха и желания мстить, перебьют десяток-другой ожесточившихся местных жителей.

Экспансия шла не на жизнь, а на смерть.

Приходили также слухи о совершенно грабительских методах охоты новоявленных хозяев, когда ради добычи пенисов морских моржей десятки тысяч тушь животных оставляли гнить на берегу. Дело было крайне выгодным: сушеные пенисы морских великанов очень высоко ценились на рынках в Китае.

«Ради этих «погремушек» такой разор чинят?» – сокрушалась Екатерина, представляя горы тел напрасно убитых моржей.

А вот компаньон Шелихова Иван Голиков прославился на иной манер: попался купец на контрабандной поставке в столицу большой партии французского коньяка, за что был наказан изъятием товара и оштрафован.

При встрече, пристально оглядывая Григория Шелихова, понимая все сложности освоения дальних и чужих берегов, императрица качала головой и не могла дать свое просвещенное покровительство столь жестокому насилию над дикими туземцами. Все же заботило Екатерину то, что о ней могут подумать в Европе.

А еще сомневалась государыня в необходимости этой территории для России и совершенно была против бесконтрольной монополии.

– Нам бы то освоить, что имеем... – говаривала Екатерина в ответ на смелые предложения купца и первопроходца, наложив резолюцию на письмо с прошением от сибирских купцов:

«В новых открытиях нет великия нужды, ибо хлопоты за собой повлекут».

Но в то время все оставила пока как есть, ибо даже времени на обдумывание американских дел не доставало. Ограничивать личную инициативу купцов она посчитала не нужным занятием, напротив, отметив их усилия, одарила и наградила дорогим оружием.

Все силы в то время занимала Таврида, Молдавия, Курляндия и иные западные и южные рубежи государства, которое росло как на дрожжах под грохот пушек и топот конницы. Увиденное Екатериной в поездке в 1787 году по Малороссии и Крыму так вдохновило, что казалось к новому величию России и Ее Величества всего один шаг. Но этот шаг хотелось сделать уверенно именно на западном направлении, где жизнь кипела и требовала каждодневного участия, оставляя восточные, пока находящиеся в состоянии глубокого сна, рубежи как далекий и зыбкий ресурс государственного созидания.

Григорий Шелихов, награжденный тем не менее Екатериной за деяния свои на восточных рубежах империи и прозванный Гавриилом Державиным русским Колумбом, не получив должной поддержки мудрой правительницы в деле предоставления исключительных прав предпринимательства, отбыл в свои пределы.

Вернувшись в Охотск, Григорий Иванович Шелихов заложил три судна-галиота на верфи вновь созданной компании.

Галиоты были закончены к весне 1783 года, а в августе флотилия вышла из Охотска в свое историческое плавание к берегам Америки, пройдя Камчатское море до западного берега полуострова и далее, следуя на юг, вдоль берегов Камчатки. Обогнув полуостров на южной его оконечности, пройдя мимо мыса Лопатка к Курилам, галиоты шли уже затем на север вдоль восточного берега полуострова до Командорских и Алеутских островов. Идти затем на восток вдоль Алеутских островов, называлось у местных мореходов *«пробираться по за огороду»*, ибо эти острова лежат столь близко один от другого до самой Америки, что держась островов, казалось трудно сбиться с пути и потерять их из виду. Здесь начиналась территория непуганых и обильных пастбищ морского зверя, и можно было даже на утлых суденышках от острова к острову пройти к берегам Америки.

В те времена промысел на далеких берегах сулил многие опасности и не скупился одаривать скорой смертишкой промысловиков и мореходов.

Суда, отправившиеся из Охотска, никогда не доходили в тот же год до Кадыяка, – самого крупного острова у берегов Америки. Из-за штормов и худых кораблей, отсутствия опытных навигаторов на море боялись оставаться позднее сентября. Как скоро наступала осень, искали залив с пологим песчаным «мягким» берегом или закрытую бухту, вытаскивали на берег судно и устраивались на зиму, пережидая период штормов. Жили в построенных наспех землянках, питались битым зверьем и рыбой. Так жили до июля месяца, ибо только с этого летнего месяца льды на Камчатском холодном море расходятся и выброшенные на берег, остаются здесь таять. Штормы к середине короткого лета успокаиваются, и начинается в здешних местах короткое холодное лето и безопасное плавание. С наступлением лета судно стаскивали на воду и плыли дальше, достигая Кадыяка, если все удачно складывалось с ветром, уже к осени.

Бывали, и не редко, случаи, когда суда терялись на просторах океана и приходили в порт на Кадыяке через два, три, а то и четыре года.

Случалось, что суда носились по морю по месяцу и по два, не зная в какой стороне у них суша. Мореходы тогда доходили до крайности от недостатка пищи, а еще более нехватки воды. От голода съедали свои сапоги и кожи, которыми обвертывали такелаж и ждали дождя, молясь и прося небеса о влаге.

Суда, бывало, и вовсе пропадали или доходили поздно до назначенного места, истратив или испортив сыростью весь груз.

Случались с мореходами и совершенно необычные истории.

Одно судно, пустившись от Камчатки к Алеутским островам, потерялось и зашло далеко на юг, гонимое попутным ветром. Но когда в ноябре стало уже нестерпимо жарко в южных широтах и возникло чувство, что несет их в дышащую жарким огнем пасть южного чудовища, мореходы, мучаясь от отсутствия воды, решились положить на волю божью. От безысходности вынесли на палубу образа Богородицы и взялись молиться все хором, призывая внимание господина к их горестной судьбе.

И чудо свершилось!

Через некоторое время полил дождь и задул южный ветер, который не стихал более двух недель. Южак подхватил суденышко и понес теперь в другую сторону.

Так, следуя в северном направлении, они оказались уже в широтах острова Афогнак, что рядом с Кадыяком, где вскоре и были обнаружены людьми с русских колоний, прибывших на остров для промысла.

Другой случай был с судном, которое носило по морю так долго, что всем уже казалось, что они или у Японии, или Америки. И тогда увидев пологий берег, решили на него «взойти», что значило просто выброситься, направив судно на берег по крутой волне. И так «счастливым образом» тогда на берег, что судно осталось целым, а морские валы и вовсе не достигали уже посуды. Так и сидели, покуда не появился на берегу солдат, – к удивлению скитальцев заговорил он с ними по-русски, и объявил, что они на берегу камчатском и рядом с Большерецком. С помощью солдат местного гарнизона спустили судно снова на воду, поправили его и пошли вдоль берега по назначению.

Другой случай вспомнился и вовсе из разряда удивительных.

Носились по волнам купцы, не сохраняя курса месяца два, и когда увидели скалистый берег, то решили оставить корабль на якорях и сойти на сушу, чтобы пополнить запас воды и просто отдохнуть от выворачивающей нутро качки. Удачно высадились, а на второй или третий день разыгралось на море такое представление, что на глазах страдальцев судно их сорвало с якорей и унесло в море с глаз долой. Остров, на котором оказались промысловики, был скалист и малопригоден для долгой жизни. Не было на нем и леса, чтобы построить какое-никакое суденышко. Да и чем было строить-то неказистую посудинку?

Оставалось одно – ждать погибели и молиться.

Молились от безысходности, а как-то под вечер вдруг увидели корабль, что шел к острову. А когда разглядели, то убедились, что Бог есть и вершит свою волю, спасая страждущих, – к острову несло их потерянное судно. Тут уже сподобились, быстро сели в шлюп и кинулись к нему на встречу не жалея жил и сухожилий. Настигли суденышко, забралась на борт и развернули родимое свое прибежище, сродни «ноевому ковчегу», которое разыгравшийся шквал нес прямехонько на прибрежные скалы.

Примеров неудачного плавания было много из-за того, что не доставало среди купцов знающих навигацию мореходов. А тех, что были в распоряжении промышленных людей, часто просто не уважали из-за собственного невежества и неверия в ученость других. Частенько мореходов поколачивали при малейших промахах и запирали в каюту, а сами, не зная куда плыть, часто просто выбрасывались на пологий берег и ждали, когда прояснится их положение. Частенько так и погибали.

Первые галиоты, спущенные на воду Шелиховым, назывались «Три Святителя», «Симеон и Анна» и «Святой Михаил». На первом отправился в опасное путешествие сам Григорий Шелихов вместе со своей отважной женой Натальей Алексеевной. Целью экспедиции было достичь большого острова Кадьяк, лежащего в непосредственной близости от берегов Америки.

Вот тогда началась история Русской Америки, учиненная Шелиховым с компанией. И осталось с тех времен свидетельство того, – договор, который появился на свет, как оперативный документ по созданию колонии на берегах Америки, составленный иркутскими купцами.

«1785 года, декабря. В американских странах, на острове Кыхтаке, на галиоте «Трех святителей»: Василия великого, Григория богослова, Иоанна златоустого, да на коче «Симеон богоприимец и Анна пророчица», рыльский купец Григорий Иванов Шелихов с товарищи и со всеми при гавани лично находящимися мореходцами учинили:

1. Определили мы, каждый из усердия к любезному отечеству, по своей воле сыскать неизвестные досель никому по островам и в Америке разные народы, с коими завести торговлю...

2. Но в мае будущего 1786 года к первым числам снарядить судно «Трех святителей» и идти при компаньоне Шелихове, с божьей помощью в Охотск.

3. При благополучном прибытии в Охотск принадлежащие всем компаньонам меха на свои паи к себе взять, а достальные бобры, лисицы, выдры, хвосты, лоскуты бобровые, принадлежащие по разделу остающимся здесь нашим людям, продать, с тем чтобы на вырученные деньги искупить потребные каждому вещи...

4. Для лучшего успеха общей пользы не возбраняем вам, компаньонам, помимо нас, мореходов, платных людей сюда договорить и прислать...

И судно стараться, нимало не медля, отправить из Охотска сюда того же лета, чтобы по заступлении на наши места присланных от вас людей мы свободны были с божьей помощью выходить отсюда в Охотск.

На подлинном подписали разных городов и разного звания мореходцы, состоящие при компании Голиковых и Шелихова.

Остров Кыхтак, который от россиян назвался Кадьяк. 1785 года, декабря 11 дня».

С тех пор много воды утекло, а на Кадьяке в бухте Трех Святителей и на острове Ситка стояли теперь крепости с пушками, часовнями и церквями, закрепив власть компании сибирских купцов и России на эти берега.

Теперь Шелихов строил программу развития своего купеческого промысла и создания значительной колонии на берегах Америки. Для этого строились планы налаживания отношений и просвещения алеутов, местных индейцев кониага и тлинкитов-колошей, которые

должны были стать добропорядочными подданными России, православными людьми и пополнить штат лояльных к российской власти работников.

Троих уже мальчиков, рожденных алеутками от промысловиков, отправил Шелихов учиться навигации в Петербург и ждал теперь их с надеждою укрепить мореходство.

Одной из первых задач Григорий Шелихов считал необходимым исследование побережья в устье Амура с целью постройки незамерзающего порта для налаживания торговли с Южным Китаем, Японией, Кореей и другими странами региона. Место в устье могучей реки уже обследовали и заложили обширную избу, чтобы можно было причалить и остановиться тем, кто возьмется обустроить причалы и будущий порт.

Для освоения дальних рубежей и добычи морского зверя, ловли рыбы ставилась цель заселить промышленными людьми Сахалин и острова Курильской гряды.

В планы компании Шелихова входило снаряжение экспедиции по Ледовитому океану от устья Лены до Берингова пролива, для налаживания морского пути на Камчатку и в Америку. Этот путь был более рациональным, так как проходил по рекам и далее морем. Но следовало серьезно изучить движение льдов и их состояние в прибрежной зоне, чтобы налаживать движение товаров.

Среди важных решений была определена задача налаживания торговли с испанской Калифорнией и с недавно возникшими Соединенными Областями Америки. И конечно намечалось развивать колонию на американском берегу, расширение границ этой территории.

Для поездок на восток и доставки грузов к морю планировалась постройка дороги от Иркутска до реки Лены, станций и причалов на всем пути от Иркутска до Якутска и далее до Охотска.

Грандиозность планов Георгия Шелихова поразила Николая Резанова. Проезжая по Сибири Николай видел огромные пространства, практически не заселенные людьми, но оказалось, что были люди готовые идти дальше к новым землям, и это казалось и странным, и грандиозным. Вопрос о том, стоит ли идти в неведомые края, замерзать в этих необжитых местах, рисковать жизнью, отдавать ее за полушку, если вокруг имелись в достатке неосвоенные, гораздо более доступные территории, возник у Николая Резанова при обсуждении планов компании с иркутским купцом.

Ответ Шелихова удивил столичного чиновника:

– Там благодатные места с огромным, несосчитанным числом непуганого морского и таежного зверя, косяков рыбы.

Есть там и золото в большом количестве, – находили в селениях местных индейцев и самородки, и многочисленные изделия из золота. Есть что взять на новых землях, и нужно спешить, ибо бостонцы из Соединенных Областей Америки уже ходят вокруг наших поселений и готовы прибрать все к рукам, если только дать нам слабинку.

Климат, что важно, в этих краях не в пример сибирскому, – гораздо теплее на побережье, что очень благоприятно для развития промыслов. Нужно несколько лет, чтобы нам на американском берегу встать на ноги, и тогда мы крепко, думаю навсегда, там утвердимся.

Что касается Сибири и ее богатств, то спору тут нет, но сооружая порты, дороги, станции мы строим пути освоения пространств и богатств и этого обширного края.

Так прокомментировал вопрос Резанова Шелихов, и чувствовалось в его словах и здравый смысл и убежденность и стало понятно, что не только деньги волновали этого человека. Его увлек процесс созидания, без которого великих свершений не бывает.

Просматривая документы и отчеты о работе компании, Николай Резанов видел данные о значительных и все более возрастающих оборотах торговли. Именно в этот момент он подумал о том, что было бы правильно и выгодно поддержать иркутских купцов и оставить так отчет, чтобы с помощью правительства реализовать намеченные планы развития Сибири и новых

дальних рубежей, которые конечно потребуют значительного времени, денежных средств и общегосударственных усилий, включая и участие армии.

Российским купцам досаждали иностранные конкуренты. Особенно англичане, которые предлагали для обмена с местным населением более дешевые товары, чем русские купцы. Российские купцы понимали, что необходимо государственное учреждение колонии. Постепенно число русских колонистов на Алеутских островах и в Северной Америке достигло нескольких сот, а к 1794 году в результате начавшейся активной деятельности Шелихова, оно увеличилось почти в два раза.

Расширению колоний очень мешало существующее в России крепостное право, которое не давало возможности широкого привлечения крестьян в далекие и такие благоприятные края. Именно тогда и возникла идея добиться от императора и правительства страны решения о направлении в Русскую Америку осужденных на каторгу для осваивания новых земель, подобно тому, как это делала Англия, обживая свои колонии Австралию и Новую Зеландию.

Григорий Шелихов строил планы по созданию сельскохозяйственной колонии «Славо-Россия» на юге Северной Америки, для обеспечения поселений продуктами питания и, прежде всего, хлебом.

Составленные планы новых поселений включали ровные улицы, школы, библиотеки, парки. При этом Шелихов не был государственным человеком. Он оставался купцом, промышленником, предпринимателем, действовавшим с разрешения правительства, но без должной поддержки с его стороны и достаточных полномочий для представления Российского государства на дальних рубежах.

В те времена Григорий Шелихов был самым успешным торговцем пушниной на Алеутских землях, но его пушной империи требовались и другие способные руководители, очень не доставало знающих навигацию моряков, кораблестроителей для организации судостроительной верфи.

Одного помощника Шелихов нашёл в лице Александра Андреевича Баранова – потомственного купца, прибывшего в Иркутск из Каргополя.

Развернувшись в Иркутске, Александр Андреевич взялся строить два небольших завода: один для производства спирта и водки, а второй, в селении Тальцы на берегу Ангары в пятидесяти верстах от Иркутска, – стекольный, дабы разливать произведенную водку. В компаньоны по строительству стекольного завода Баранов взял Адама Лаксмана, увлеченного идеей выпускать в Сибири стеклянную тару, цветное стекло, изящную посуду и украшения и даже художественно выполненные витражи.

Стекольный завод наладил свою работу и производил разнообразную продукцию. Но дело как-то сразу не пошло ладно, а затем и случившийся в Тальцах пожар подорвали основательно торговые дела купца Баранова. Оставшиеся активы пришлось недорого продать.

После этих событий Баранова, уже было собравшегося уезжать из Иркутска с семьей, позвал к себе Шелихов, убедив взяться за организацию промысла на Камчатке и островах Северной Америки. Но Баранов от предложения отказался и, найдя компаньонов, взялся за промысел самостоятельно, перебравшись на Камчатку.

И в этом направлении дела у Баранова шли поначалу неплохо, но однажды караван нарт с добытыми шкурами попал в засаду местных охотников-чукчей и был полностью уничтожен: люди перебиты, а шкуры или разворованы, или сожжены. В результате у Баранова возник большой долг перед кредиторами и пришлось идти на службу к Шелехову, который взялся долг погасить.

На остров Уналашка Александр Баранов прибыл в 1791 году с Камчатки. На галиоте «Трех Святителей» Баранов вышел из Охотска в 1790 году, но на пути потерпел крушение у берегов полуострова и прибыл к месту только на следующий год.

Сразу по прибытии Александр Баранов развернул активную работу, пытаясь восстановить было угасающую деятельность русской колонии, вновь организовать промыслы, освоить новые территории и защитить колонистов от постоянных угроз со стороны местных индейцев. Все это удалось даровитому, умному, волевому и жесткому по характеру Баранову, который сразу в сложнейших условиях выстроил свою систему управления колонией.

Вскоре 43-летний купец из Каргополя Шелиховым был назначен главным управляющим на острове Кадьяк. Именно на нем держалось теперь управление всей русской колонии на берегах Америки, а Баранов грезил освоением новых земель и территорий. «Аппетиты» нового управляющего простирались теперь вплоть до Гавайских островов и Калифорнии. Не раз он уже подбадривал Шелихова разговорами о возможных поставках на север Америки для голодающих колонистов продуктов и фруктов из южных пределов торговой компании, чтобы преодолеть страшную напасть здешних мест – цингу, уносящую десятки колонистов ежегодно. А в настоящий момент, остро нуждаясь в судах для ведения промысла и торговли, Баранов строил на острове Кадьяк верфь, планируя в ближайший год спустить на воду первый корабль. На стапелях уже стояли трехмачтовый «Феникс» водоизмещением 180 тонн и судно поменьше под названием «Дельфин». Планировалось спустить через год второе небольшое каботажное судно «Ольга».

Шелихов, при очередной встрече, увлеченно рассказывал Резанову о своей последней поездке в Америку и, отметив невесть откуда взявшуюся сноровистость Баранова, теперь радовался необычайно достижениям и порядку в своей американской компании.

– Вот ведь не думал, что так удачно выберу управляющего. Он здесь в Иркутске многое начал делать по новому: завод отстроил, стал мастеровых обучать, школу учредил для детей деревенских, но не прижился как-то в среде местных купцов со своими честностью в делах и прямолинейностью суждений. А в результате «прогорел» на сделках быстро, не найдя общего языка с компаньонами, а те попросту подставили его, много чего пообещав, но мало что сделав на самом деле. Показалось тогда, что никчемный он хозяин, а тут смотрю, ошибался я, – такой удачный вышел выбор, просто не нарадуюсь, – делился с Резановым Шелихов.

Большое внимание Шелихов, по настоянию Баранова, уделял просвещению местных жителей – алеутов и индейцев-колошей. Во всех поселениях строились церкви и при них обязательно школы, приюты, а несколько отпрысков смешанных браков отправили учиться штурманскому делу, судостроению, инженерному делу в Петербург. Шелихов поначалу ворчал, деньги жалел, предпочитая вкладывать их в развитие промысла, но когда из Петербурга прибыли местные парни, отправленные ранее учиться на шкиперов, возрадовался необычайно, ибо получить грамотных специалистов выросших в здешних условиях было большой удачей.

Планы по освоению американского континента были грандиозными. Планировалось освоить и сделать российскую территорию равную размерам крупного европейского государства, со своим флотом, верфью, промыслами и воинским гарнизоном.

Серьезное беспокойство теперь вызывала прямая конкуренция со стороны новоявленных американцев – бостонцев и испанцев, которые настраивали воинственных индейцев, вооружали их огнестрельным оружием и подталкивали к вооруженному сопротивлению российской экспансии. Приходилось тратить много сил на организацию защиты поселений от возможных набегов колошей, которые случались все чаще.

Значительный размах задач и обширных возможностей явно проступали из сделанного Николаем Резановым для Екатерины II отчета.

В разговорах с Шелиховыми раз за разом звучало предложение о возможном участии посланника из Петербурга в делах компании. Но быть компаньоном Резанов не мог из-за отсутствия должных денежных средств, быть же служащим в компании и представлять ее интересы в столице, ему казалось не столь интересным. На первых порах договорились о том, что Николай Резанов, работая на государственных должностях, будет продвигать интересы компании

через правительство, находя нужных для этого влиятельных людей и оказывая им финансовые респекты, оставаясь на государственной службе.

Так, отправляясь в далекий Иркутск, практически в ссылку, Николай Резанов вдруг отметил для себя новые серьезные перспективы в жизни.

12. Женитьба

Однажды, за вечерним чаем, будучи приглашенным в дом Шелиховых, к Резанову, уже после продолжительного знакомства и обмена взаимными впечатлениями об их семье и образе жизни, под села Наталья Алексеевна.

С присущей прямоотой, и с долей женской хитроумности подхода стала интересоваться личной жизнью Николая Резанова, его планами по созданию семьи и вообще тем, как он относится к семейному укладу. В разговоре Наталья Алексеевна шуточно заметила, что Николай мужчина красивый, да и во всех отношениях замечательный, а еще не женат, хотя уже пора.

Николай отвечал, что уже задумался над этим, хочется уже и семью, и детишек своих, да вот, все время дела государственные, служба занимают, а невесты на примете как не было, так и нет.

– А не нравится ли Вам, Николай Петрович, Аннушка, наша? – задала прямой вопрос Наталья Алексеевна.

– Но, прости, Наталья Алексеевна, девочка она еще совсем, ведь и пятнадцати годков нет! – воскликнул несколько смущенный напором Натальи Алексеевны Резанов.

– И что же, что нет? Будет... – засмеялась звонко сметливая женщина, зарделась игриво, оглядывая будущего зятя.

– Куда ж она денется, будет и пятнадцать, и двадцать... – продолжая звонко смеяться, закончила мысль Наталья Алексеевна.

– Да. Конечно, я понимаю, – ответил Николай и продолжил:

– Мне Анна нравится. Я бы хотел такую жену. Она не избалована, красива и далеко не глупа. Воспитана хорошо. Вам за это спасибо. Я не против иметь рядом такую жену, вот только бы Анна все приняла как должное и полюбила меня, – закончил объяснения на деликатную тему Николай, сразу превратившись из просто гостя семьи, в жениха, а значит почти члена многочисленного семейства.

Николаю Резанову Аннушка действительно нравилась, но ему казалось, что столь юное создание еще не может быть женою взрослого мужчины. Жизнь его сводила ранее с женщинами в годах не юных. Вот и сама Наталья Алексеевна нравилась ему, ведь она была практически ему ровесница. Смущаясь от мысли, что его ухаживания сочтут неуместными из-за малого возраста Анны и разницы в положении, расценив как пустой флирт и волокитство, несколько побаиваясь самого Шелихова, Николай дружелюбно, но крайне спокойно и осмотрительно вел себя с Анной. Они переглядывались, здоровались при встрече, иногда перекидывались парой фраз. Николай играл роль старшего и опытного друга, а Анна, не избалованная вниманием, тем более взрослого и высокопоставленного по положению гостя, робела, и вести долгие и личные беседы готова не была.

Получив одобрение и наставления матушки Натальи, Резанов теперь адресно, именно для встреч с Анной, навещался в гости к будущим родственникам. Стал заговаривать с девушкой и на ее робкие приветы, отвечал длинными и складными рассказами о столице, своей службе в гвардии, императрице и дворе, поездке со свитой Екатерины по России. Девушка понемногу привыкла к такому общению, оживилась, сама стала смущаясь говорить о жизни молодой в городе, о своих увлечениях и подругах, расспрашивать Николая о жизни в столице, и завороченная слушала его рассказы о Екатерине Великой. Все расспрашивала Николая о том, как одевается императрица, какие у нее украшения, где проживает и чем занята кроме исполнения обязанностей императорских.

Пришла пора прогулок и поездок за город: то на берег Ангары, то вдоль речки Ушаковки или по берегу мощного Иркутка к заливным лугам. А то как-то сподобились и с помощью Григория Ивановича организовали поездку на Байкал по тракту вдоль Ангары. За день добрались

до озера, где расположились в богатой, свежее срубленной заимке у самого истока могучей реки.

Ангара, на наречии местного бурятского народа «*разинутая пасть*», в отличие от всех других рек рождается сразу полноводной и могучей, вырываясь из Байкала по разлому земной коры огромным водным потоком. У истока Ангары из воды, прямехонько по центру русла, торчит остроконечная скала – любимое место байкальских чаек. Местный рыбак вечером, отметив интерес молодых, поведал Николаю и Анне историю местных жителей о большой любви дочери седого Байкала синеокой красавицы Ангары к сибирскому богатырю Енисею.

Жили Байкал и Ангара вместе, но пришла пора Ангаре выбирать свой путь в жизни и когда узнала она Енисея, решила соединить с ним свою судьбу. Но суровый отец был против желания дочери, стремился оставить ее рядом с собой навсегда. И тогда собрав силы и проломив скалы, сбежала своенравная дочь от несговорчивого отца. А Байкал, возмущенный решительным поступком своей дочери, бросил ей вдогонку обломок скалы, чтобы перегородить русло и остановить дочь. Но было поздно – успела, сбежала своенравная дочь, а скала теперь навечно осталась среди вод Ангары, разрезая её воды, напоминает о гневе отца – седого Байкала.

Ангара и Енисей соединились через тысячу верст в единую реку. И как водится при замужестве, жена взяла фамилию своего мужа и к океану приходит огромный Енисей, в котором соединились воды горных рек Восточного и Западного Саяна, сибирских предгорий-равнин и самого Байкала.

У Байкала молодые люди провели несколько дней, наблюдая за рыбаками и их промыслом, любуясь величественным озером с чистойшей, словно родниковой водой. Местные рыбаки выделили баркас для знатных гостей, устлали его коврами и катали молодых господ вдоль скалистого берега с видами на далекий горный массив Хамар-Дабан по ту сторону ровного и ярко-синего Байкала. Горный массив к осени покрылся уже снегом, и ярко выделялся на ярком синем небе, по цвету равному Байкалу.

Из поездки на Байкал Резанов и Анна возвратились уже с ощущением некой душевной связи, которую нельзя было считать просто знакомством или даже симпатией. Анна просто полыхала лицом при встрече с Николаем, а он чувствовал к девушке особую нежность, которая не была похожа на обычные чувства мужчины к женщине. Все было сложнее. В этих чувствах смешалось желание и забота, любование и желание опекать, страсть и чувство такой нежности, которое испытываешь возможно только к собственному ребенку. А когда дело уже вызрело до объятий и робких поцелуев, Николай понял, что у него в руках не ребенок, а любимая и желанная девушка, крепкая и телом, и духом, готовая возложить на свои действительно хрупкие плечи заботы жены и матери.

К осени сговорились и помолвились, наметив обручение к поздней осени или зиме, а следом через шесть недель назначив и венчание.

Свадьба вышла умная – без особо лишних великих затрат.

Шелиховы собрали самых видных купцов и чиновников города. Позвали на венчание и отца Николая. Венчание состоялось на исходе января в Михайло-Архангельском храме и все прошло очень торжественно и ладно. Михайло-Архангельская церковь, называемая в народе морской, была выстроена на пожертвования иркутских купцов, занимающихся промыслом на Алеутских островах и на побережье Америки. Так в сухопутном Иркутске тогда значительно звучала в те времена морская тема, благодаря, прежде всего, усилиям Григория Шелихова и его компаньонов. И все это в таком далеком от океанских просторов городе, на волне великого энтузиазма и жертвенности отчаянных предпринимателей купцов-землепроходцев.

Погода не подкачала – было солнечно и тепло для сибирской зимы. Катались на санках, запряженных тройкой с бубенцами по льду Ангары и Иркутта под звон колоколов иркутских храмов. В одной из повозок невеста и жених, в другой дружок и подружка жениха и невесты и

гармонист, в третьей близкие к семье гости. Наталья Алексеевна хлопотала после венчания по дому, а Григорий Иванович отмечал с близкими по его купеческому делу друзьями большое событие, не уставая говорить о том, что теперь многое может измениться в делах, нужно только дать возможность зятю добраться до столицы и взяться решать сложные вопросы организации новой монополии.

Отгуляв с неделю, свадьба угаšla, и встал вопрос о том, как жить и работать дальше. Григорий Иванович горячился, он хотел сразу отправить зятя в Санкт-Петербург, что бы тот взялся решительно и безотлагательно решать вопросы, теперь уже, совместной компании. Но выехать в столицу без надлежащего распоряжения Николай Петрович не мог. Решили отправить просьбу на имя Екатерины с изложением того, что надобно для решения вопросов обеспечения купеческой деятельности на востоке Империи и в Русской Америке присутствие в столице зятя и совладельца торговой компании Николая Петровича Резанова.

Письмо отправили с курьером, а еще передали денег пять тысяч для гарантии успешного продвижения просьбы через канцелярию императрицы. Деньги предполагалось передать через А. И. Альвести, который оказывал поддержку Г. И. Шелихову в вопросах снабжения компании.

Во Франции с 1793 года с переменным успехом бушевал бунт, впервые названный революцией. В этот год был казнен король Франции Людовик XVI с супругой Антуанеттой, полетели головы титулованных особ, а вскоре и самих революционеров – детей революции.

Гильотина работала бесперебойно.

Правящие династии Европы были шокированы событиями во Франции. Екатерина находилась в смятении, прекратила, столь чтимую ей переписку с просвещенными лицами Франции, которые и оказались, вдруг, идеологами грянувшей революции. Казалось шестинедельный сорокоуст – траур объявленный Екатериной после казни коронованных особ продолжался, и не было ему конца. Екатерина каждодневно вспоминала казненного короля и неизменно в нарядах отмечала свою печаль и тревогу черными траурными лентами и бантами. Были изданы указы об ужесточении мер надзора и ограничения свобод. Все французы, проживающие в России, подлежали высылки из страны и только несколько позже указ смягчили, выслав из страны тех поданных Франции, кто не принял соответствующую присягу с осуждением революции и верности российскому престолу.

События во Франции обнажили застарелость государственности Европы и несостоятельность правящих столетия императорских и королевских династий, их моральную усталость и неспособность увидеть иную в развивающемся обществе перспективу. По всему было видно – надвигалась большая война, грозящая разделом сфер влияния и учреждением новых лидеров и центров влияния в мире. С открытием Америки и появлением новых государств на ее территории мир стал значительно более ёмким и сложным. Процессы освободительной борьбы американской колонии с Англией только добавляли температуры в мировую историческую топку. За раздел влияния на территориях Америки завязалась война Англии с Францией.

А еще Турция и Персия бряцали кривыми саблями на побережье Черного моря и на Кавказе, горланили оскорбления и теребили императорское самолюбие Екатерины и русской армии.

На фоне таких грозных событий и общей нервозности чиновников и петербургского света вопрос возвращения Николая Резанова в столицу решился достаточно просто. Платон Зубов на просьбу подполковника Резанова дал свое согласие и приглашение занять должность при нем.

Депеша с таким решением была отправлена на восток с почтой.

Как только отгуляли свадьбу, принесли весть, что умер отец Николая. На венчании он был, и Николай в суматохе только и успел отметить то, как отец сдал и осунулся.

–Так вот всегда рядом радость и горе, – заметила Наталья Алексеевна и тут же распорядилась провести похороны как должно и все сделали по-людски – с отпеванием в церкви и людными поминками.

13. Кяхта

Отгуляв свадьбу и коротая лютую зиму за учетом своего торгового имущества, собрался Григорий Иванович на ярмарку в Кяхту, как только минули крещенские морозы, и в феврале заиграло совсем по-весеннему в этих широтах солнце.

Засобирался на ярмарку Григорий Иванович с охотою матерого дельца, этакого засидевшегося заядлого рыбака-удильщика, который без торговых сделок, как рыбак без поклевки, начинает закисать. Долгие уже годы жил и дышал Григорий Иванович атмосферой, в которой сходятся крепкие характеры торговых людей и рождается навар от продажи – вечно ускользающий барыш, – прибыль, от которой порой ломаются склады, пухнут счета в банке и растет уважение и страх в глазах конкурентов.

Засобирался также, дабы просто продать залежавшийся, но еще не потерявший в цене свой товар, – меховую рухлядь, да прикупить на вырученные деньги столь нужные на промыслах ткань, продукты и специи, а еще запастись чаем, что стоил на Кяхтинском рынке сущие копейки в сравнении с ценами в Санкт-Петербурге и Москве.

Кяхтинский рынок сформировался как ветка-отросток Великого Шелкового пути из Китая в Европу, и здесь можно было приобрести все, чем славился Китай. Особо ценились, кроме чая, ткани, шелка, фарфор, различная посуда и хозяйственная утварь.

Интерес был и чисто житейский у Шелихова: знакомцев повидать, пообщаться, узнать почем ныне лихо купеческое, да доля торговая, что на рынке пользуется спросом, найти новых компаньонов для дела и просто отдохнуть душой, – поиграть в картишки, потрапезничать в честной компании, посетить знатные дома.

Засиживаясь допоздна, в один из таких вечеров пригласил Шелехов к себе зятя, да заговорил с ним о поездке на ярмарку.

Николай, который по приезду в Иркутск и особенно после женитьбы округлился и сиял теперь лицом, как начищенный речным песком самовар, спешно пришел с нетерпением, ожидая делового разговора, – так уж он утомился, пропадая в безделке, проводя время в основном в обществе женушки своей юной Анны, расторопной Натальи Алексеевны и младших шелиховских детей. Женщины без конца потчевали Николая всем, что могли подать на стол из печи и погребов, старательно выдумывая все новые изыски сибирской кухни.

А с другой стороны, грянувшие морозы и вынужденное безделье вполне располагали к тому, чтобы из постели подниматься к двенадцати пополудни, а ко сну отправляться едва стемнеет, предварительно откушав всяческих разносолов, пропустив рюмку другую стылой водочки. Перед сном еще садились порой за карты с приглашенными к ужину гостями. А уж сыграв партейку в карты, и вконец осоловев после ужина, закивать, засыпая головою в направлении широкой семейной кровати, где под боком молодой жены просыпались порой страстные желания.

Вот так хорошо легла женитьба на душу столичного чиновника.

И как тут не расползеть?

Однако, выслушав предложение тестя о поездке на ярмарку, взбодрился Николай и решительно взялся собираться.

Выехали, собрав обоз в несколько санок, поутру и ходко пошли по льду Ангары в сторону Байкала. Дорога была ровной и наезженной, но к обеду добежав до деревни Тальцы, вынуждены были сойти со льда на дорогу, что извивалась по берегу. Со слов местных мужиков сразу за деревней начинался обширный загор, и пористый лед дыбился под натиском воды. Пришлось умерить пыл и двигаться с оглядкой по лесной дороге, на которой тяжелые санки вязли и кони выбивались из сил. Так едва, едва к ночи добрались до деревни Никола, где и заночевали.

С утра пораньше, миновав последние версты, на лед Байкала вышли на простор сибирского моря, на более верный лед. Байкал радовал простором. Воздух был прозрачен, лед едва припорошен снегом, а вдали виднелся противоположный берег, вздыбившийся величественным и заснеженным на фоне голубых небес Хамар-Дабаном. Дорога вела вперед, изредка петляя: обходила торосы, да редкие трещины.

К вечеру добрались до Танхоя, где и заночевали на постоялом дворе у трактира, определив в тепло и лошадей.

По утру раненько тронулись снова в путь уже по берегу Байкала, все отдаляясь от него на юг. Густая тайга сменялась редколесьем и уже на подходе к Кяхте местность предстала переменчивая, – редколесье сменялось степным пейзажем. За время пути еще трижды заночевали на станциях с постоянными дворами, и, используя ясные денечки, по укутанному зимнику доскочили ходко до Кяхты, – всего-то за пять деньков.

Кяхта, место, где сходятся российская глубинка с ярким и богатым востоком, встретила путников звоном колоколов всех церквей, которых настроено было здесь местными купцами достаточно. Здешний рынок утопал в товарах, потребность в которых была велика.

Местные купцы, владея торговой монополией, «наваривали» густо на продаже чая и восточных специй, просто перепродавая товар приезжим торговым людям. Сколотив состояние и порой с трудом понимая, куда деньги девать, частенько просто куражились, отстраивая «хоромы», да доходные дома в столице, а в Кяхте вкладываясь в церковные приходы и монастыри, замаливая бесчисленные грехи.

Резанов сопровождал тестя в его передвижениях по Кяхте от снятой по случаю приезда квартиры до банка и самого рынка, на котором насмотрелся столичный чиновник на диких обликом темных лицом погонщиков верблюдов, торговый люд и всяческую челядь, обслуживающую торговую суету. Чайный рынок представлял длинные ряды тюков с чаем и специями, что гроздились, казалось бесконечными рядами.

Вникать во все тонкости торгового процесса у Резанова не выходило. Трудно удавалось вникать в суть переговоров Шелихова с купцами, сложно было соответствовать их привычкам гулять до глубокой ночи в обществе приглашенных женщин с их легкомыслием и бесконечными визгами в объятиях бородатых и как на подбор крепких ухажеров.

После таких затяжных вечеринок Григорий Иванович заявлялся в снятую квартиру под утро еще хмельной, в аромате женских духов, сивухи и пота, перепачканный алой помадой. Подсаживаясь на кровать к спящему Резанову, непременно будил его и заставлял выпить чарку коньяка, объясняя, смеясь, что ему нужно на опохмелку, а Резанову на почин нового дня. Пошутив с зятем, шел спать и до обеда храпел на все лады, демонстрируя крепость духа и уверенность в завтрашнем дне.

Но забавляясь, дела, тем не менее, Шелихов решал споро: закупил товар и отправил обоз со своим доверенным приказчиком под охраной в Иркутск, а сам, оставшись завершить дела, еще раз устроил крупное застолье, пригласив всех уже примелькавшихся за дни ярмарки купцов и дам. После шумной и пьяной вечеринки, поутру тесть и зять в сопровождении приказчика компании отправились в Иркутск.

Снова потянулись вдоль дороги заснеженные равнины и холмы, перелески и убогие станции, где можно было поправить поклажу, перекусить взятыми с собой сальцем и жареной курицей и несколько размявшись ехать дальше.

Снежная равнина с редкими в этих полустепных местах перелесками, покачивание санок, ленивое в полголоса покрякивание возницы, как обычно быстро убаюкивают путника. В глубине собольей шубы, в ее адовом тепле, под двойным тулупом, тело размягчалось и млело, и только лицо, открытое ветру через узкую щель накинутаго на голову ворота размером с добрую подушку, улавливало стылый со жгучими снежинками воздух. Спрятав лицо и отдавши всего себя неге забытья, Николай задремал. Вдруг кони с плавного тягучего размеренного хода

вдруг резко встали и шарахнулись в сторону, санки, перед тем как встать, дернуло и раздалось грубые чужие голоса.

– Застава что ли, – подумал спросонья Резанов.

Рядом зашевелился Шелихов, крепко спавший после доброго обеда и нескольких чарок водки. Вскоре раздался его голос, деланно грубый, сильный и от того почти незнакомый. Если бы Шелихов не был совсем рядом от него, Николай так бы не понял, что говорит он.

– Что это вам нужно, шельмецы? Что удумали? Прочь! А ну дай дорогу! Купца Шелихова не разглядели? А не выйдет ли вам, сволочи, это боком?

– Заткнись, барин, да давай плати подать за проезд по нашим местам! Здесь мы вершим закон и правосудие! – раздалось уверенно с дороги.

Николай пока ничего не видел, схоронившись в возке, но ситуация явно требовала его участия и высунув лицо из уютной шубы Резанов увидел несколько живописных фигур в темных одеждах, перегородившие дорогу санки, запряженные тройкой коней и отметил впереди стоящего человека в шапке лихо задвинутой на макушку лохматой черной головы. Человек был огромен, как казалось, стоял уверенный, широко расставив ноги, на нем был короткий полушубок, а в руках кремневое ружье. Второй разбойник стоял позади жоака и сжимал в руке топор.

Шелихов, между тем сошел с возка и теперь твердо и спокойно шагал навстречу жоаку. На боку у Шелихова висела шпага, которая казалась в сложившейся ситуации совершенно бесполезной. Шелихов нацепил шпагу перед поездкой и, смеясь, заметил, что не мешает сей атрибут в дороге, ибо лихой здесь живет народец, не чуждый пощипать возвращающихся с ярмарки купцов.

Шелихов вплотную подошел к разбойникам и, не проявляя при этом какой-либо агрессии, продолжал с главарем вести обмен фразами, говоря спокойно и даже несколько снисходительно, как с ребенком. Чувствовалось, что разбойник несколько смущен.

– Ты, что это братец купца Шелихова не признал! Меня знают лихие люди по всей Сибири, а ты не признал? Беру смелых да отчаянных в свою команду для промысла в Америке! Слыхивал ли? Я, ведь не просто купец, у меня влияние в этих краях таково, что завтра придут сюда солдаты и вам, ой как будет несладко. С губернатором надясь ужинал, так, что смотрите, до острога быстренько проводим, а то если шибко попросите, можем и не довести до острога, в буераке оставим для медведя. Убирайте сани с дороги и езжайте далее с Богом, пока миром прошу!

– Откупись, барин, по-доброму, и дело с концом, – уже как бы примирительно ответил жоак и насупился, давая понять, что без денег не отпустит задержанный возок.

– Ладно, – ответил Шелихов и как будто полез в карман за кошельком, и стал уже доставать увесистую кубышку, но вдруг резко бросил что-то навстречу разбойникам и серое облако окутало лихих людишек.

Разбойники схватились за лицо, яростно натирая глаза и, ослепнув, стали кружиться и подвывать, натывая друг на друга совершенно не ориентируясь в пространстве.

Шелихов между тем решительно поднял брошенное ружье из снега и, достав из ножен тоненькую свою шпагу, резко, наотмашь умело стал хлестать разбойников, которых неплохо защищали их овчинные полушубки. Тогда Шелихов прицельно ударил плашмя гибким лезвием шпаги главаря по голове, уже потерявшего свою лихо заломленную шапку. Жоак рухнул в снег. Голова у него взмокла и еще более почернела, а на дороге растекалось, плавя снег алое пятно.

Резко повернувшись с ружьем в сторону разбойничьего возка, в котором сидел опешивший возница, Шелихов прокричал:

– Убирай коней с дороги! Всех порешу!

Страшный вид купца сразил и Резанова. Побелев резко лицом и сверкая глазами, с искаженным судорогами ярости ртом, Григорий Иванович, был страшен.

На дороге замешкались, засуетились, и тогда шагнув к возку, Шелихов выхватил из дорожной сумки пистолет, и несколько укоризненно скользнув бешеным взглядом по Резанову, пальнул в сторону разбойников. От выстрела кони рванулись, стремянной встал на дыбки, кто-то из разбойников охнув завалился в сани. Над местом стычки за клубился сизый дым от пистолетного пороха и в морозном воздухе пахло сернистым. Нелепо перемешивая снег копытами, увязнув по брюхо, кони стали тянуть чуть ли не опрокинувшийся возок по целине прочь. Но возница, все же проявил свое мастерство и, полный отчаяния, нахлестывая коней, вывел их на твердь дороги и санки с двумя разбойниками полетели вдаль, оставив на дороге страдать своих товарищей. Глухой топот копыт скоро утих и только стоны пострадавших в схватке разбойников сопровождали сценку.

Шелихов стоял теперь широко расставил ноги на дороге, смотрел вслед возку, а затем, глянув на страдальцев, опустил ружье, резко шагнул к возку и, усевшись поверх шубы, командовал:

– Давай, Михей, гони!

Кивнув в сторону разбойников, Григорий Иванович, подвел итог схватки:

– Небось оклемаются, а оклемаются – урок будет.

Возница щелкнул кнутом и кони, упираясь и часто перебирая ногами, кидая из-под подков комья снега, тронули прилипшие к снегу санки, и пошли, пошли, набирая ход.

Шелихов укрылся шубой, и сидел молча, закрыв глаза. Его меховая шапка была надвинута на глаза и казалось теперь, что никакой остановки по требованию разбойников не было вовсе. Вдруг, открыв глаза, Шелихов сказал:

– Вот ведь как знал, взял с собой адскую смесь – соль с китайским жгучим перцем – действует лучше пистолета в ближнем бою. И ткнув Резанова локтем в бок, спросил:

– Да ты никак сомлел, перетрусил Николай Петрович! Бойчее тут нужно быть. Сибирь разбойниками как старая шуба клопами набита. Во всех щелях хоронятся до поры. Да меня пугать уже дело пустое. В наших американских делах и не такое переживали. Порой казалось, – все, предел, конец и нет хода назад. А все же выбирались из труднейших положений, находили выход, и порой шагая по трупам, выходили сухо из воды.

Умолк и задумался Шелихов, вдруг вспомнив черный песок и свинцовые валы океана с их многотонным напором. Вспомнив далекий свой промысел, вдруг как наяву увидел бесноватого вождя местного племени с закатившимися пустыми глазами, которого пришлось ему зарубить, так метался и яростно нападал он на колонистов, будучи уже посаженным на цепь после неудачного, но очень кровавого нападения на охотников-промысловиков.

Задумавшись о Резанове, который не помог ему в схватке ни словом, ни делом, Шелихов подумал о том, что явно не боец зятек, не боец, хоть и офицер в прошлом. Да и ладно. Его задача в столице лад чинить – дела канцелярские двигать, а с лихими людьми мы и сами управимся. А так подумав и успокоившись, достал из саквояжа Григорий Иванович початую уже бутылку коньяка и, глотнул прямо из горлышка, а затем ткнул в бок Резанова и молча протянул ему бутылку темного стекла. Резанов вздрогнул поначалу, а увидев протянутую тестем бутылку, взял ее поспешно и, задохнувшись, проглотил обжигающей и ароматной жидкости. По телу пошла волна согревающего тела тепла, ударил нервный озноб, и мир как-то снова встал на свои места, и не осталось места ни тревоге, ни грусти.

Путь лежал теперь уже к Байкалу, а там уже открывались родные пределы, к которым теперь уже ходко, как будто скинув груз, летел их возок.

В Иркутске Николай чувствовал неловкость от своего малодушия и все ждал, как скажет об этом тесть. Но Шелихов молчал и не подавал и виду, и вскоре все подзабылось, а вскоре кануло в небытие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.